

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О. Броунъ, Джемсъ Милль, Джонъ-Ст. Милль.

Въ теченіи первыхъ десяти лѣтъ XIX столѣтія совершился переворотъ въ химіи. Въ 1800 году Никольсонъ (Nicholson) и Карлейль (Carlisle) разложили воду при помощи вольтова столба, и Дэви въ 1806 году былъ въ состояніи сдѣлать обобщеніе, которое положило основаніе электро-химіи. Затѣмъ слѣдовало разложеніе поташа, соды и другихъ тѣлъ того-же рода. Съ открытіемъ хлористоводородной кислоты въ 1809 году сдѣлано открытіе разныхъ водородныхъ кислотъ. Въ 1803—4 г. сдѣлано было значительное синтетическое добавленіе къ аналитическимъ приобрѣтеніямъ химіи: былъ установленъ Дальтономъ законъ химическихъ соединений¹.

Указывая на эти открытія въ химіи, Колье, въ своей статьѣ — «О развитіи психологіи», говоритъ: «вліяніе этихъ блестящихъ открытій на мысль вѣка несомнѣнно было. Литература дня была переполнена метафорами, заимствованными изъ господствующей науки².

И психологія находилась подъ тѣмъ-же новымъ научнымъ вліяніемъ. Сюда относятся: «Лекціи о философіи человѣческаго духа» Броуна (Lectures on the Philosophy of human mind, by Thomas Brown) и «Анализъ феноменовъ человѣческаго духа»

¹ Westminst. Review 1874. April. № XC, стр. 391. The development of Psychology. ² Ibid.

Джемса Милля (*Analysis of the phenomena of the human mind*, by James Mill)

1. О. Броунъ. Броунъ былъ профессоромъ нравственной философіи въ эдинбургскомъ университетѣ (въ Шотландіи). Онъ воспитывался въ томъ-же университетѣ. Его спеціальностію, первоначально была медицина; но потомъ, увлеченный блестящими лекціями профессора философіи Догальда Стюарта, онъ перешелъ къ философскимъ занятіямъ. Сперва онъ напечаталъ свои «Критическія замѣчанія на зоономію Эразма Дарвина» (*Observations on Dr. Darwin's Zoonomia*); затѣмъ имъ издано сочиненіе — «Исслѣдованіе объ отношеніи между причиною и дѣйствіемъ» (*Inquiry into the relation of cause and effect*. 1806) по поводу книги Леели «О теплотѣ»¹. «Лекціи о философіи человѣческаго духа», заключающія въ себѣ: а) психологію или фізіологію духа (какъ выражается Броунъ); б) ученіе о нравственности; в) политическое ученіе; г) естественную теологію, — изданы его слушателями послѣ его смерти².

¹ Смотри. Зеленогорскій «О методахъ изслѣдованія и доказательства».

² Броунъ принадлежитъ къ такъ-называемой шотландской философской школѣ. Философія этой школы можетъ быть названа академическою или университетскою по преимуществу. Представители ея — знаменитые профессора шотландскихъ университетовъ: Гютчesonъ, Адамъ Смитъ, Ридъ, Догальдъ Стюартъ, Броунъ, Бэзилтонъ и друг. Психологія, какъ наука, обязана имъ многими глубокими анализами. Если мы исключили изъ своего историческаго очерка цѣлый рядъ психологовъ-аналитиковъ, то сдѣлали это не потому, что считаемъ изслѣдованія ихъ незначительными, а потому, что наше изложеніе ограничено известными предѣлами — говорить лишь о тѣхъ психологахъ, которые разрабатывали психологію подъ влияніемъ естественныхъ наукъ. Шотландскіе философы, исключая Броуна, строго говоря, сюда не относятся. Главное направленіе и методы психологическихъ изслѣдованій указанной школы могутъ быть выражены въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: а) изучать челоѣкъ въ его проявленіяхъ не иначе, какъ на основаніи *наблюденія*; б) это наблюденіе ограничивать *самонаблюденіемъ* или сознаніемъ, внутреннимъ міромъ, и в) изучать также образъ мыслей, апріорныя, независимыя отъ опыта начала, которыя обнаруживаются въ насъ въ видѣ *врожденныхъ инстинктовъ* и требованій умственныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ. Въ силу требованій перваго положенія, философы шотландской школы избегали ме-

Какъ показываетъ исторія наукъ и философій, за каждымъ важнымъ шагомъ въ развитіи наукъ слѣдоваль обыкновенно философскій процессъ мысли, который вызывался новыми научными успѣхами. Это — процессъ обобщенія и аналогіи. То же послѣдовало и вслѣдъ за новыми открытіями въ химіи. Броунъ въ своихъ вступительныхъ лекціяхъ считаетъ нужнымъ заниматься общею классификаціей наукъ. Онъ дѣлитъ науки на два ряда согласно характеру явленій, относящихся къ ихъ области. Однѣ изъ наукъ изучаютъ сосуществующія явленія; другія —

тафизическихъ построеній а priori и руководились приемами индуктивнаго изслѣдованія Бэкона. Среди нихъ Догальдъ Стюартъ, напр., является лучшимъ толкователемъ методическихъ приемовъ Бэкона. Въ силу требованій второго положенія, философы шотландской школы примыкаютъ къ Декарту, на-сколько послѣдній самонаблюденіе и сознаніе ставилъ принципомъ всехъ философскихъ выводовъ. Они не отвергали зависимости психическихъ явленій отъ организма и въ-частности отъ нервной системы и мозга; но вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Локку, видѣли и знали крайне ограниченную разработку физиологіи и предпочли вслѣдствіе этого ограничиться самонаблюденіемъ и умственнымъ анализомъ при изученіи психическихъ явленій. Изучая по преимуществу нравственные и эстетическія требованія нашего духа, они невольно приходили къ сознанію крайности и односторонности ученій эмпирической школы о происхожденіи нравственныхъ и эстетическихъ идей чрезъ опытъ, подражаніе, воспитаніе и проч.; ученіе о врожденности и инстинктивныхъ требованіяхъ нашего духа являлось у нихъ само собою, какъ выводъ изъ психологическаго анализа.

Хотя шотландская академическая философія представляетъ собою консервативный элементъ въ англійской философіи; тѣмъ не менѣе по своему значенію въ философскомъ образованіи Англіи она занимаетъ едва-ли не первое мѣсто; по-крайней-мѣрѣ такъ было раньше. Въ шотландскіе университеты стекались молодые люди изъ всей Англіи и выносили изъ аудиторіи любовь къ философскимъ занятіямъ. Вотъ что писалъ въ одномъ изъ писемъ Джемсъ Миль о лекціяхъ Догальда Стюарта: «Въ это время я оставался въ Единбургѣ и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы посѣщать лекціи Догальда Стюарта, которыя всегда доставляли мнѣ высочайшее наслажденіе. Я слушалъ, какъ Питтъ и Фоксъ разразились нѣсколькими изъ своихъ удивительныхъ рѣчей; но я никогда не слышалъ ничего столь краснорѣчиваго, какъ нѣкоторыя изъ лекцій Догальда Стюарта. Салонностію къ занятіямъ, которыя теперь сдѣлались моими любимыми занятіями и цѣлію моея жизни, я обязанъ ему (Alex. Bain, James Mill. A biography, стр. 16). О шотландской философской школѣ смотр. *Vict. Cousin Philosophie Ecossaise* и *James Mc. Cosh, The Scottish Philosophy from Hutcheson to Hamilton. 1875.*

явленія послѣдовательныя. Къ первымъ относятся геометрія и химія; ко вторымъ — механика и физика. Очевидно, что новыя химическіе анализы способствовали философской мысли обобщить науки, изучающія сосуществующія явленія и отличать ихъ отъ наукъ, изучающихъ послѣдовательныя явленія. Далѣе, новыя химическіе анализы раскрыли новое свойство явленій, которое и было отмѣчено философскою мыслию и обобщено. Это свойство состоитъ въ томъ, что качества ингредиентов, входящихъ въ химическое тѣло, отличны отъ качествъ самаго тѣла: качества водорода и кислорода отличны отъ качества воды — продукта ихъ. Наконецъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо раньше, обнаружилась необходимость опытнаго изслѣдованія явленій и въ-частности — эксперимента. Это само собою вытекало изъ вышеуказаннаго свойства явленій; здѣсь самымъ очевиднымъ образомъ подтверждается положеніе Юма, что «дѣйствіе отлично отъ причины»¹.

Переходя къ философіи духа, Броунъ говоритъ: философія духа и философія матеріи сходны между собою въ двухъ родахъ изслѣдованія, которые онѣ допускаютъ. Явленія духа такимъ-же образомъ, какъ мы видѣли по отношенію къ матеріи, могутъ быть разсматриваемы, какъ сложныя и подлежащія анализу, или они могутъ быть разсматриваемы, какъ явленія послѣдовательныя въ извѣстномъ порядкѣ и относящіяся по-этому другъ къ другу, какъ причина и дѣйствіе².

Что существуютъ послѣдовательныя психическія явленія, извѣстно каждому, и не требуется особеннаго искусства, чтобы наблюдать и изучать ихъ, хотя требуется особенное изслѣдованіе и опредѣленный научный методъ, чтобы изучить тѣ послѣдовательныя психическія явленія, которыя находятся въ причинной связи и зависимости. Иное дѣло — существованіе сложныхъ явле-

¹ См. Зеленогорскій, О методахъ, глав. X и XI.

² Lectures on philosophy of human mind. Lecture X, стр. 58.

ній духа. Оно можетъ, говорить Броунъ, показаться невозможнымъ и даже нелѣпнымъ. «Но, продолжаетъ онъ, въ духѣ чело-вѣка все находится въ постоянной и измѣняющейся сложности; каждое чувство можетъ быть медленнымъ результатомъ многочисленныхъ чувствъ. Нѣтъ ни единичнаго удовольствія, ни страданія, ни мысли, ни эмоціи, которыя не были бы соединены при помощи вліянія ассоціирующаго принципа съ другими удовольствіями, страданіями, мыслями, эмоціями, такъ-что въпослѣдствіи они образуютъ болѣею частію внутреннее единство. Анализировать сложное или кажущееся сложнымъ явленіе мысли, которое происходитъ вслѣдствіе постоянного дѣйствія этого принципа духа, составляетъ предметъ занятія интеллектуальнаго изслѣдователя такъ-же, какъ предметъ занятія химика состоитъ въ приведеніи сложныхъ тѣлъ, надъ которыми онъ оперируетъ, къ элементамъ, ихъ составляющимъ, какъ бы ни была тѣсна и неразрывна связь между ними»¹. Равнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ Броунъ говоритъ: «съ самаго начала своего существованія духъ постоянно обнаруживаетъ явленія болѣе и болѣе сложныя, ощущенія, мысли, эмоціи, соединенныя вмѣстѣ, чувство въ болѣе или меньшей степени видоизмѣненное чувствами, за нимъ слѣдующими. Какъ въ химіи часто бываетъ, что качества отдѣльныхъ ингредіентовъ сложнаго тѣла не узнаются нами въ видимо различныхъ качествахъ самаго сложнаго тѣла, такъ и въ своеобразной химіи духа сложное чувство, происходящее отъ первичныхъ чувствъ чрезъ ассоціацію, на первый взглядъ имѣетъ мало сходства съ составными его частями какъ первоначально существующими въ элементарномъ состояніи, такъ-что требуется болѣею частію напряженная сосредоточенность мысли, чтобы разложить и раздѣлить на части совокупность, которая могла составиться раньше въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ»². Что дѣлаетъ химикъ по отношенію къ ма-

¹ Lect. X, стр. 60.

² Lecture X, стр. 62.

теріи, то-же дѣлаеть интеллектуальный аналитиць по отношенію къ духу¹, и т. д.

Мысль Броуна ясна и опредѣленна. Такимъ образомъ, психологія должна, по-видимому, вступитъ въ новый фазисъ развитія подъ новымъ научнымъ вліяніемъ. Сравнивая это вліяніе на психологію, какъ оно выражено у Броуна, съ вліяніемъ на нее механики и физики, мы видимъ между ними существенную разницу. Механика и физика непосредственно призывались на помощь психологіи при рѣшеніи различныхъ психологическихъ вопросовъ, такъ-какъ психическія явленія изучались въ связи съ организаціей, подчиненною законамъ матеріи. Химія вліяеть на психологію вѣншимъ образомъ, методомъ и установленіемъ взгляда на извѣстнаго рода психическія явленія по аналогіи съ химическими явленіями. Ея вліяніе на психологію сходно съ вліяніемъ на нее геометріи (на что указалъ самъ Броунъ). По взгляду Броуна (и другихъ того-же направленія психологовъ) психическія явленія своеобразны, хотя и аналогичны явленіямъ матеріи. Ноумены или сущности какъ матеріи, такъ и духа одинаково недоступны нашему познанію и разуму. Очевидная своеобразность психическихъ явленій указываютъ на то, что у психолога существуетъ своя область научныхъ изслѣдованій, въ которой онъ долженъ дѣлать то-же, что дѣлаеть физикъ и химикъ въ своихъ областяхъ, т. е. изучать послѣдовательность и сосуществованіе явленій. Особенно онъ долженъ сосредоточить свое вниманіе на изученіи сосуществующихъ явленій и изучать ихъ путемъ анализа². Прошло время гипотезъ и дедукцій изъ нихъ. Новый химическій анализъ доказалъ несостоятельность этого методическаго приѣма, такъ-какъ показалъ разницу въ свойствахъ элементовъ и тѣлъ, изъ нихъ составленныхъ; чтобы знать то и другое, нуженъ непосредственный анализъ и непосредственное наблюденіе. И въ психологіи такіа физическія ги-

¹ Lecture XI, стр. 64.

² Lecture X, стр. 58.

потезы, какъ гипотеза вибрацій Гертля, а равно и выводы изъ нихъ, должны быть отчислены къ разряду психологическихъ «романовъ»¹. Существуетъ мнѣніе, что психологія не заслуживаетъ названія науки. Она не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать никакихъ открытій. Всякій знаетъ безъ изученія психологіи изъ собственнаго сознанія все то, о чемъ говорится въ психологіи. «Если-бы, замѣчаетъ на это Броунъ, явленія духа разсматривались только какъ, послѣдовательныя, то можно бы и въ самомъ дѣлѣ сказать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что эта простая послѣдовательность должна быть извѣстна и неразмышляющему намъ уму столько-же, сколько и уму философа, хотя и въ этомъ частномъ смыслѣ замѣчаніе будетъ далеко негочно. Но такъ-же, какъ отношенія послѣдовательности, психическія явленія имѣютъ и другія отношенія, какія заключены въ простомъ минутномъ сознаніи, и открываются только путемъ размышленій; поэтому, къ знанію ихъ можетъ дѣлать постепенныя прибавленія каждое новое поколѣніе размышляющихъ о нихъ изслѣдователей»². Указавши далѣе на то, что духъ нашъ съ первой минуты своего существованія обнаруживаетъ болѣе или менѣе сложныя явленія Броунъ продолжаетъ: «въ самомъ дѣлѣ, психическія явленія такъ сложны и такъ трудны для анализа даже въ случаяхъ самыхъ обыкновенныхъ и, какъ говорятъ, привычныхъ каждому, что по-истинѣ удивительно, что трудность этого анализа и открываемое этою самою трудностію поле изслѣдованія не бросились въ глаза унижавшимъ умственные открытія и не дали почувствовать имъ, что то, чего они не въ состояніи изъяснить, не можетъ быть на столько извѣстнымъ всему человѣчеству, чтобы безусловно не требовалось никакого дополнительнаго объясненія. Дикій, говорятъ намъ, сознаетъ точно такъ-же, какъ и мудрецъ, что такое онъ чувствуетъ, любя свою родину; но хорошо ли онъ знаетъ, или можетъ

¹ Lecture 43, стр. 279.

² Lect. X.

ли онъ сказать намъ съ точностію, какія различныя элементарныя чувства послѣдовательно измѣняли, или лучше составляли эту привязанность къ мѣсту? Конечно, и крестьянинъ можетъ имѣть чувство красоты подобно художнику, который производитъ ее, или умозрительному изслѣдователю, который анализируетъ это весьма сложное душевное волненіе. Но простое волненіе, производимое красотою, не есть знаніе тѣхъ простыхъ чувствъ, которыя составили или видоизмѣнили его, и хотя удовольствіе и удивленіе остаются однѣ и тѣ-же, тѣмъ не менѣе крестьянинъ еще могъ бы, конечно, поучиться кое-чему, если-бы можно было дать ему понять, что красота есть нѣчто большее, чѣмъ видимая имъ форма или цвѣтъ. Что вѣрно такимъ образомъ относительно красоты, такъ различно понимаемой крестьяниномъ и философомъ, то вѣрно точно такъ-же и по отношенію ко всеѣмъ другимъ сложнымъ явленіямъ духа. Какъ неразумно утверждать, что мы все одинаково знакомы съ физиологіей мускульнаго движенія, потому что, если взять болѣе подходящій примѣръ, все движемъ ногами; что мы знаемъ самыя тончайшія истины ариметики и геометріи, потому что все знаемъ числа и фигуры, отношеніями которыхъ занимаются эти науки; такъ точно неразумно утверждать, что намъ всеѣмъ одинаково извѣстна философія духа и число элементовъ, какіе входятъ въ наши различныя чувства, потому что мы все и наблюдаемъ, и помнимъ, и ненавидимъ. Нужно согласиться, что наука о духѣ допускаетъ открытія главнымъ образомъ, а можетъ быть и всецѣло, только какъ наука аналитическая; но какъ наука анализа постоянно чувствуемыхъ при размышленіи новыхъ отношеній, она представляетъ намъ поле открытій столько-же богатое и, могу сказать, столько-же неисчерпаемое въ чудесахъ, какъ и поле внѣшней вселенной»¹.

¹ Phil. of hum. mind. Lect. X. Троицкій, Немецкая психологія, стр. 85 и слѣд.

Послѣ всего вышесказаннаго понятно, въ какую сторону направлены будутъ главнымъ образомъ психологическія изслѣдованія Броуна и другихъ психологовъ, находившихся подъ одинаковымъ съ нимъ научнымъ вліяніемъ. Дѣйствительно, анализъ сложныхъ психическихъ явленій составляетъ главный предметъ ихъ изслѣдованій. Особенно этимъ характеромъ и направленіемъ отличается психологическое сочиненіе Джемса Милля, какъ на это указываетъ и самое заглавіе его сочиненія — «Анализъ феноменовъ человѣческаго духа».

Собственно говоря, психологическій анализъ начинается отнюдь не съ Броуна. Не говоря уже о нѣкоторыхъ аналитическихъ попыткахъ психологовъ XVII стол., — аналитическіе опыты Локка и особенно блестящій анализъ Беркли относительно происхожденія идеи разстоянія и пространства указываютъ на то, что идея аналитическаго изслѣдованія не была чужда психологій до Броуна; на то-же указываетъ французская и англійская психологическая литература XVIII вѣка, большей части которой не дано мѣста въ нашемъ историческомъ очеркѣ (Гютчсонъ, Адамъ Смитъ, Ридъ, Догальдъ Стюартъ, Юмъ, Кондильякъ, Гельвецій, Прево, Детю-де-Траси и друг.). Изъ психологовъ, на которыхъ мы останавливались, Гертли особенно близокъ былъ къ теоретическому пониманію психологическаго анализа, выраженному Броуномъ въ его вступительныхъ лекціяхъ къ курсу «философіи человѣческаго духа», хотя эта теорія навѣяна была другимъ научнымъ вліяніемъ. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи — «О человѣкѣ»: «Если количество простыхъ идей, входящихъ въ составъ сложной идеи, слишкомъ велико, то можетъ случиться, что эта идея покажется немѣющею никакого отношенія къ идеямъ, изъ которыхъ, какъ составныхъ частей, она образовалась, и къ чувствамъ, чрезъ которыя напечатлѣны первичныя ощущенія, положившія начала идеямъ сложнымъ. При-

теріи, хотя новѣйшія изслѣдованія показали, что первенство въ этомъ не принадлежитъ Броуну. — Перейдемъ къ Джемсу Миллю.

2. Джемсъ Милль. Кто читалъ автобіографію Дж.-Ст. Милля, тотъ знакомъ съ личностію, характеромъ и литературною дѣятельностію Джемса Милля. Еще обстоятельнѣе изложена жизнь и дѣятельность этого замѣчательнаго писателя въ книгѣ Бэна: «Джемсъ Милль» (James Mill, a biography, by Bain, 1882 г.). Чтобы не отвлекать читателя отъ главнаго предмета нашего изложенія, мы не только не будемъ останавливаться на его біографіи, но воздержимся даже отъ указанія его сочиненій и характеристики тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ онъ является, какъ историкъ, политикъ, политико-экономъ и прч.; перейдемъ прямо къ его психологическому сочиненію, на которое указано нами раньше.

Какъ высоко цѣнили достоинство и значеніе этого сочиненія Джонъ-Ст. Милль, это высказано имъ въ предисловіи къ изданію «Анализа феноменовъ человѣческаго духа»¹, сдѣланному имъ въ 1869 году. Этотъ взглядъ на достоинство и значеніе психологическаго труда Джемса Милля, по-видимому, раздѣляли два другихъ выдающихся и извѣстныхъ писателя нашего времени — Бэнь и Гротъ; по-крайней-мѣрѣ они приняли участіе въ этомъ изданіи, обогативши его своими примѣчаніями. Въ немъ находятся также примѣчанія извѣстнаго англійскаго филолога Финдлэтера (Findlater). Такимъ образомъ сочиненіе Джемса Милля, обогащенное примѣчаніями четырехъ современныхъ писателей, занимаетъ видное мѣсто въ современной психологической литературѣ.

Дѣйствительно, немного сочиненій по психологіи существуетъ въ настоящее время, которыя отличались бы такою ясностію, простотою, скротостію, систематичностію, какъ сочиненіе Джемса Милля. По-видимому, Дж. Милль въ своемъ сочиненіи не столько

¹ Analysis of the phenomena of the human mind. Edit. by John Stuart Mill. 1869. Этому изданію мы пользовались при изложеніи психологіи Дж. Милля.

заботился объ оригинальности, сколько о томъ, чтобы дать публикѣ полезную книгу по предмету столь важному и темному, какъ психологія. Его особенно занимали вопросы о воспитаніи. Руководясь практическими соображеніями — способствовать наилучшему развитію душевныхъ способностей и силъ при воспитаніи, онъ анализировалъ въ своемъ сочиненіи *операциі духа и процессы*, совершающіеся въ нашей психической природѣ. Для этого онъ воспользовался всѣмъ, что сдѣлано его предшественниками. Особенно сочиненіе Гертли привлекло его вниманіе и въ частности — та часть его, которая посвящена изслѣдованію ассоціацій идей. При всемъ этомъ сочиненію Джемса Милля нельзя отказать и въ оригинальности, иначе мы не считали бы нужнымъ говорить здѣсь о немъ.

Познакомимся съ содержаніемъ сочиненія Джемса Милля. Трактатъ Милля начинается съ анализа ощущений. Вышнія чувства разсматриваются въ слѣдующемъ порядкѣ: обоняніе, слухъ, зрѣніе, вкусъ, осязаніе. Въ концѣ 1 главы въ отдѣлѣ VII говорится о мускульныхъ ощущеніяхъ или чувствахъ, которыя сопровождаютъ движенія мускуловъ; въ отдѣлѣ VIII говорится объ ощущеніяхъ, имѣющихъ свое начало въ пищеварительномъ каналѣ. — Познакомимся съ мускульными ощущеніями и ощущеніями пищеварительнаго канала.

Приступая къ анализу мускульныхъ ощущений, Милль говоритъ: «въ нашемъ сознаніи нѣтъ области, заслуживающей большаго вниманія, какъ эта область (мускульныхъ ощущений); не смотря на это, на нее не обращали, къ сожалѣнію, никакого вниманія до послѣдняго времени. Только въ нашей странѣ такіе философскіе изслѣдователи духа, какъ Гертли, Дарвинъ и Броунъ, по видимому, сознавали, чего не достаетъ въ области ихъ спекулятивныхъ изслѣдованій».

Выходя изъ положенія Гоббса, что «непрерывное ощущеніе одного и того-же равносильно неоощенію» (*sentire semper idem*)

et non sentire ad idem recidunt), Милль объясняетъ, почему мускульныя ощущенія совершенно не замѣчались и упущены изъ виду. Мы знаемъ, что воздухъ производитъ на наше тѣло непрерывное давленіе. Вслѣдствіе этой самой непрерывности давленія воздуха на наше тѣло, ощущеніе, отсюда истекающее, становится такимъ, какъ будто его совсѣмъ не существуетъ. То-же слѣдуетъ сказать и относительно мускульныхъ ощущеній. Такъ-какъ мускулы постоянно находятся въ соприкосновеніи съ одними и тѣми-же предметами, то и мускульныя ощущенія должны быть большею частію одинаковы; а въ этомъ и заключается причина, почему они мало обращаютъ на себя наше вниманіе и среди множества другихъ чувствъ совершенно забываются. Они принадлежатъ къ разряду такихъ ощущеній, которыя служатъ antecedентами другихъ чувствъ для насъ болѣе интересныхъ. Вслѣдствіе этого послѣднія поглощаютъ все наше вниманіе, а тѣ чувства, которыя имъ предшествуютъ и ихъ порождаютъ, забываются или упускаются изъ виду.

Но при отсутствіи прямыхъ доказательствъ аналогія приводитъ насъ къ тому заключенію, что въ области чувственности, куда относятся и мускулы, не бываетъ перемѣны, которая не вела бы за собою и измѣненіе въ чувствѣ; въ-частности по отношенію къ мускуламъ каждое сокращеніе ихъ или ослабленіе сопровождается извѣстнымъ чувствомъ. Что такія чувства существуютъ, это доказывается тѣмъ, что духъ нашъ замѣчаетъ и сокращеніе и ослабленіе мускуловъ.

Кромѣ указанной неясности слѣдуетъ отмѣтить большую сложность мускульныхъ ощущеній, такъ - какъ мускулы дѣйствуютъ большею частію совокупно. Результатъ сложныхъ мускульныхъ ощущеній нерѣдко воспринимается нами достаточно отчетливо, но отдѣльныя чувства съ трудомъ можно сдѣлать предметомъ вниманія. Непріятное чувство утомленія есть одинъ изъ этихъ результатовъ. Удовольствіе, которое при оживленномъ движеніи

ощущаютъ, по-видимому, всѣ болѣе совершенныя животныя, особенно молодыя, можно разсматривать, какъ другой результатъ. Подвижность здороваго дитяти, тяжелое чувство, испытываемое при лишеніи свободы, пріятное чувство, ощущаемое при свободѣ движеній, — все это, рѣзко бросающееся въ глаза при наблюденіи надъ школьными мальчиками, указываетъ, кажется, на состояніе страданія мускульной системы при неподвижности и на пріятное состояніе ея, когда мускулы находятся въ движеніи. Кто не наблюдалъ игры котенка или щенка? Извѣстно также удовольствіе собаки, когда хозяинъ ея дозволяетъ ей забавляться съ нимъ. Одинъ изъ случаевъ, въ которомъ чувство мускульнаго движенія, по-видимому, особенно обращаетъ на себя вниманіе, есть удовольствіе, сопровождающее дѣйствіе большей части животныхъ, когда они вытягиваются во время дремоты или послѣ сна.

«Достаточно, говоритъ Милль, небольшого напряженія мысли, чтобы убѣдиться, что безъ чувствъ, сопровождающихъ мускульное движеніе, нельзя имѣть идеи сопротивленія, которая составляетъ большую часть того, что мы называемъ идеею матеріи»¹.

Объ ощущеніяхъ, имѣющихъ свое начало въ пищеварительномъ каналѣ, Джемсъ Милль говоритъ: «изъ множества ощущеній, сопровождающихъ процессъ питанія, лишь немногія дѣлаются предметомъ нашего вниманія. Тѣмъ не менѣе они не слабыя агенты, не ничтожныя элементы въ ряду нашихъ мыслей; они относятся къ такого рода чувствамъ, которыя служатъ antecedентами чувствамъ болѣе интереснымъ, чѣмъ они сами»².

Сказавши далѣе о томъ, что указанныя ощущенія часто создаютъ общее настроеніе духа, которое бываетъ то веселымъ, то мрачнымъ, Милль переходитъ къ послѣднему и говоритъ: «общія дѣйствія разстройства пищеваренія хорошо извѣстны. Когда органы пищеваренія и питанія разстроены и дурное пита-

¹ Analysis of the phenomena... Chap. I, Sect. VII, стр. 43.
² Ibid. Chap. I, Sect. VIII, стр. 45.

ние становится обычнымъ, то слѣдствіемъ этого является чувство несчастія; — общее душевное настроеніе, состоящее изъ множества малыхъ чувствъ, изъ которыхъ ни одно въ отдѣльности не можетъ сдѣлаться предметомъ нашего вниманія». Трудно сказать, на сколько это душевное состояніе, доходящее иногда до меланхолическаго умопомѣшательства, зависитъ отъ непосредственныхъ ощущеній и на сколько отъ ассоціацій.

Во II главѣ Милль трактуетъ «объ идеяхъ». Мы имѣемъ, говорить онъ, два вида чувствъ (feelings): одинъ имѣетъ мѣсто, когда предметъ чувства находится на-лицо; другой имѣетъ мѣсто послѣ того, какъ предметъ пересталъ дѣйствовать на насъ. Первый видъ чувствъ носить названіе ощущеній (sensations); другой классъ чувствъ я называю идеями (ideas). Какъ мы говоримъ объ ощущеніи (sensation), такимъ-же образомъ можемъ говорить объ идеаци (ideation)¹. Такимъ образомъ, ощущеніе должно быть общимъ названіемъ для одной части нашей конституціи, а идеация — для другой. Какъ существуетъ отдѣльный классъ ощущеній, относящихся къ каждому внѣшнему чувству, такъ существуетъ и отдѣльный классъ идей, относящихся къ каждому изъ этихъ чувствъ. Какъ раньше мы останавливались только на мускульныхъ ощущеніяхъ, то ощущеніяхъ, имѣющихъ свое начало въ пищеварительномъ каналѣ, такъ и здѣсь мы остановимся только на идеяхъ, сюда относящихся.

Идеи ощущеній, сопровождающихъ движеніе мускуловъ, составляютъ наиболѣе важный элементъ въ нашемъ существѣ. Отсюда мы получаемъ идеи сопротивленія, нажима, жесткости, мягкости, шероховатости, гладкости, твердости, жидкости, тяжести, легкости, объема, фигуры, величины, цѣлаго и частей, движенія, покоя. Дознано, что всѣ эти идеи суть идеи сложныя; кромѣ мускульныхъ ощущеній входятъ въ ихъ составъ и другія; но пер-

¹ Analysis. Chap. II, стр. 53.

Analysis. Chap. II, стр. 51.

выя даютъ основаніе имъ. Въ нашей природѣ нѣтъ чувства болѣе важнаго, какъ чувство сопротивленія. Изъ всѣхъ нашихъ ощущеній оно наиболѣе непосредственно; ибо, сидимъ ли мы или лежимъ, стоимъ, ходимъ, ощущеніе сопротивленія всегда присуще намъ. Каждый предметъ, съ которымъ мы непосредственно соприкасаемся, все, что мы видимъ, слышимъ, вкушаемъ или обоняемъ, вызываетъ идею чего-то сопротивляющагося.

Ощущенія, идущія отъ пищеварительнаго канала и другихъ внутреннихъ органовъ, составляютъ образовательные составные элементы многихъ сложныхъ идей, которыя имѣютъ вліяніе на наше счастье. Кромѣ органовъ питанія, кровеносныхъ сосудовъ и движенія самой крови, системы железокъ и проч. слѣдуетъ сказать въ-частности объ удивительной системѣ нервовъ и мозга. «Состояніе нервовъ и мозга, столь удивительной части нашей системы, подвергается перемѣнамъ, говоритъ Милль, и эти перемѣны сопровождаются перемѣнами въ чувствахъ». «Такимъ образомъ, нервы и мозгъ могутъ быть не только органами ощущеній, происходящихъ отъ другихъ чувствъ, но и органами ощущеній, идущихъ отъ нихъ самихъ»¹.

Чтобы не возвращаться намъ къ этого рода ощущеніямъ еще разъ, скажемъ здѣсь, что о нихъ говорится и въ слѣдующей главѣ — «Объ ассоціаціяхъ идей». Существуетъ, говоритъ здѣсь Милль, широкій классъ нашихъ ощущеній, какъ-то: ощущенія, зависящія отъ пищеварительнаго канала, отъ нервной и сосудистой системъ, которыя служатъ antecedентами для возникновенія идей, какъ слѣдствій. Такъ-какъ эти слѣдствія наиболѣе для насъ интересны, чѣмъ ощущенія, и непосредственно обращаютъ на себя наше вниманіе, то antecedенты обыкновенно не замѣчаются нами; хотя они въ-силу теченія мыслей, вводимого ими, производятъ большое вліяніе на наше счастье или несчастье, однако сами они вообще остаются совершенно неизвѣст-

¹ Analysis. Chap. II, стр. 61.

ными. Что такіа связи между нашими идеями и извѣстными состояніями внутреннихъ органовъ существуютъ, это доказывается многими извѣстными случаями. Наприм., угнетенное состояніе духа разстраиваетъ, у большей части людей, пищевареніе. Неудивительно, что внутреннія ощущенія, сопровождающія разстройство пищеваренія, будутъ вызывать идеи, которыя мыслятся преобладающими въ угнетенномъ состояніи духа¹. Также извѣстна ассоціація между извѣстными состояніями внутренностей и страшными идеями; на это указываютъ страшныя сновидѣнія, являющіяся въ то время, когда разстроено пищевареніе, и ипохондрія, которая большею частію сопровождается извѣстнымъ болѣзненнымъ состояніемъ внутреннихъ органовъ¹.

Нѣтъ сомнѣнія, что III глава «объ ассоціаціяхъ идей» — самая важная въ сочиненіи Джамса Милля. Она составлена по преимуществу подъ вліяніемъ сочиненія Гертли; но обработана систематичнѣе и лучше, чѣмъ это мы видимъ у Гертли.

Согласно Гертли, Д. Милль устанавливаетъ два порядка ощущеній — синхронистическій и послѣдовательный. И идеи бывають или синхронистическія или послѣдовательныя. Если ощущенія — синхронистическія, то и идеи, имъ соотвѣтствующія, также бывають синхронистическія, хотя не необходимо, чтобы порядокъ идей былъ тотъ-же самый, какой — и въ ощущеніяхъ; если ощущенія послѣдовательныя, то и идеи, имъ соотвѣтствующія, бывають также послѣдовательныя.

Далѣе Милль, вслѣдъ за Гертли и Локкомъ, указываетъ двѣ причины, по которымъ ассоціаціи прочно закрѣпляются: а) живость ассоціруемыхъ ощущеній и б) частое повтореніе ассоціацій. Нѣкоторыя изъ ассоціацій закрѣпляются совмѣстно дѣйствіемъ той и другой изъ указанныхъ причинъ.

Въ связи съ этими принципами ассоціацій Милль разсматриваетъ: а) ассоціаціи слитныя или неразличимыя и б) ассоціаціи неразрывныя.

¹ Analysis. Chap. III, стр. 101.

а) «Если, говорить онъ, двѣ или болѣе идеи часто повторяются вмѣстѣ и ассоціація создается стремительно, то онѣ (идеи) иногда вступаютъ въ такую тѣсную связь, что дѣлаются неразличимыми». Есть нѣсколько аналогичныхъ случаевъ и въ ощущеніяхъ; напр., если быстро вращать кругъ, на которомъ нарисованы послѣдовательно семь призматическихъ цвѣтовъ, то мы увидимъ не семь цвѣтовъ, а одинъ цвѣтъ — бѣлый. Вслѣдствіе быстроты слѣдованія однихъ за другими отдѣльныя ощущенія перестаютъ быть различимыми; они сливаются вмѣстѣ и новое ощущеніе, составившееся изъ семи и кажущееся простымъ, есть результатъ. Слово «золото» и слово «жельзо», по-видимому, выражаютъ каждое простую идею, какъ слово «цвѣтъ» или слово «звукъ». Однако очевидно, что идея каждаго изъ этихъ металловъ составила изъ отдѣльныхъ идей, происшедшихъ изъ отдѣльныхъ ощущеній цвѣта, твердости, протяженія, тяжести. Эти идеи представляются намъ въ такомъ нераздѣльномъ единствѣ, что мы постоянно говоримъ о нихъ, какъ объ одномъ, а не о многомъ. Идея, выражаемая словомъ «тяжесть», кажется намъ совершенно простою; однако она обыкновенно заключаетъ въ себѣ идею сопротивленія, которая въ свою очередь есть идея сложная и заключаетъ въ себѣ ощущеніе, сопровождающее сокращеніе мускуловъ, а также ощущеніе, или вѣрнѣе — ощущенія, называемыя волею, и т. д. То же нужно сказать о идеяхъ твердости, протяженія и другихъ¹.

б) Нѣкоторые изъ идей чрезъ частое повтореніе и силу ассоціаціи такъ тѣсно соединяются, что дѣлаются неразрывными². Если существуетъ одна идея, — другая существуетъ вмѣстѣ съ нею, какія бы усилія мы ни дѣлали разъединить ихъ; напр., не въ нашей власти находится думать о цвѣтѣ и не думать въ то же время о протяженіи, или думать о плотности и не думать о фигурѣ. Мы постоянно видѣли цвѣтъ въ соединеніи съ

¹ Analys. Chap. III, стр. 91.

² Ibid. стр. 93 и слѣд.

протяженіемъ и не знаемъ ни одного случая, представляющаго исключеніе. Такимъ образомъ цѣтъ и протяженіе неизмѣнно связались между собою. То-же слѣдуетъ сказать и объ идеѣ плотности въ соединеніи ея съ идеей фигуры, а также объ идеѣ длины въ соединеніи съ идеей ширины и т. д.

Какъ не въ нашей власти разорвать связь между указанными идеями, такъ не въ нашей власти соединить нѣкоторыя изъ идей. Броунъ, въ изложеніи нѣкоторыхъ ошибокъ предшественниковъ, по отношенію къ приобрятаемымъ нами перцепціямъ зрѣнія, замѣчаетъ: «я не могу слить мои представленія двухъ поверхностей — плоской и выпуклой въ одну поверхность, которая была бы плоская и вмѣстѣ выпуклая; равнымъ образомъ я не могу думать о цѣломъ, которое меньше, чѣмъ его половина, и о квадратѣ, котораго стороны неравны». Это, по мнѣнію Милля, объясняется тѣмъ, что крѣпкая ассоціація исключаетъ все противоположное. «Я, говоритъ онъ, не могу ассоціировать двѣ идеи ассафетиды и вкуса сахара. Почему? — потому что идея ассафетиды крѣпко ассоціировалась съ идеей другого вкуса, такъ что идея этого другого вкуса возникаетъ въ связи съ идеей ассафетиды и поэтому обыкновенно идея сахара не возникаетъ. Я имѣю идею, ассоціированную съ словомъ «страданіе». Почему я не могу ассоціировать съ словомъ «страданіе» удовольствіе? — потому что возникаетъ другая неразрывная ассоціація, которая не допускаетъ этого. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ случаемъ неразрывной ассоціаціи»¹.

Не можемъ не обратить вниманіе читателя и на слѣдующее, замѣченное Миллемъ, обобщеніе. «Часто случается въ нашихъ ассоціированныхъ чувствахъ, говоритъ онъ, что antecedentes менѣе важны, чѣмъ слѣдствія, ими производимыя. Въ этихъ случаяхъ слѣдствія поглощаютъ все наше вниманіе и antecedentes тотчасъ забываются». Положимъ, мой другъ возвратился изъ

¹ Analysis. Chap. III, стр. 97.

дальней страны и принесъ мнѣ первую вѣсть о болѣзни, послѣднихъ словахъ и дѣйствіяхъ и о смерти моего сына. Звукъ голоса, каждое сказанное слово производили ощущение въ органѣ слуха; но мое вниманіе сосредоточено было на идеяхъ; это — мой сынъ, страдающій, дѣйствующій, говорящій, умирающій. Сюда-же относятся и тѣ случаи, на которые указано выше, когда говорилось о чувствахъ, получаемыхъ отъ различныхъ внутреннихъ органовъ и въ-частности отъ питательнаго канала¹.

¹ Умѣстно здѣсь сопоставить обобщеніе Милля съ обобщеніемъ Гертля, названнымъ имъ *закономъ передачи* (law of transference). Этотъ законъ состоитъ въ слѣдующемъ: идея можетъ ассоціироваться съ другою идеей при помощи третьей такимъ образомъ, что послѣ посредствующая идея не возникаетъ въ сознаніи и первая вызываетъ другую безъ помощи посредствующей. *А* соединяется съ *С* при посредствѣ *В*. Впослѣдствіи *А* непосредственно вызываетъ *С*, не вызывая въ сознаніи *В*. При изученіи иностраннаго языка изучающій принужденъ бываетъ первоначально узнавать смыслъ иностранныхъ словъ при помощи словъ родного языка. Затѣмъ онъ узнаетъ новыя слова, производныя отъ первыхъ. Когда онъ слышитъ эти производныя слова, то понимаетъ ихъ смыслъ, не сознавая или не вспоминая при этомъ тѣхъ словъ родного языка, при помощи которыхъ онъ изучалъ коренныя иностранныя слова, сюда относящіяся. Возьмемъ, даѣе, чувство любви дѣтей къ родителямъ. Оно не есть простое чувство. Сначала у ребенка съ идеей родителей соединяется удовольствіе. Потомъ развивающееся въ немъ пониманіе подмѣчаетъ постоянную со стороны родителей заботливость о немъ: они хвалятъ его, когда онъ поступаетъ хорошо, и наказываютъ, когда онъ дѣлаетъ дурное. Онъ постепенно привыкаетъ считать несчастьемъ для себя недовольство родителей и счастьемъ, когда они бываютъ довольны имъ. Такимъ образомъ, съ идеей родителей соединяется у ребенка идея его собственнаго блага и счастья. Все это такъ сильно закрѣпляется чрезъ ассоціацію въ развивающемся субъектѣ, что впослѣдствіи онъ чувствуетъ любовь къ родителямъ, не отдавая себѣ отчета въ этомъ чувствѣ. Возьмемъ еще примѣръ: алчность къ деньгамъ. Дѣти ранѣе, чѣмъ научатся употребленію денегъ, смотрятъ на нихъ, какъ на игрушку, ничѣмъ неотличающуюся отъ всякой другой игрушки; съ деньгами соединяется о нихъ идея удовольствія, какъ она соединяется со всякою другою игрушкой. Съ годами дѣти привыкаютъ сознавать цѣну денегъ, какъ предмета, чрезъ который достигается удовлетвореніе насущныхъ потребностей и пріобрѣтается комфортъ жизни. Въ это время смотреть на деньги, какъ на средство, и только въ этомъ смыслѣ онъ составляютъ предметъ пріобрѣтенія. Но даѣе съ идеей денегъ постепенно соединяется идея блага вообще, и деньги дѣлаются предметомъ усиленнаго домогательства даже и въ томъ случаѣ, если существуетъ ком-

Въ концѣ главы находится критика трехъ принциповъ ассоціацій, намѣченныхъ Юмомъ: смежности въ пространствѣ и во времени, сходства и причинности. Милль принимаетъ только первый принципъ — смежности въ пространствѣ (синхронистическій порядокъ) и смежности во времени (последовательный порядокъ).

Въ IV главѣ говорится о названіяхъ, гдѣ разбираются различныя части рѣчи.

Въ V главѣ Милль переходитъ къ умственнымъ процессамъ или операціямъ и начинаетъ съ сознанія, такъ-какъ оно присуще всемъ умственнымъ процессамъ. Сознаніе есть ли спеціальное чувство или спеціальный умственный процессъ? — Нѣтъ. Милль рассуждаетъ такимъ образомъ: «Сказать, что я чувствую ощущеніе — то-же, что сказать: я чувствую чувство, что несвойственно языку; равнымъ образомъ сказать, что я сознаю чувство — то-же, что сказать: я чувствую его. Имѣть чувство значить сознать, и сознать значить чувствовать»¹. Въ каждомъ словѣ «чувство» заключается все, что подразумѣвается подъ словомъ «сознаніе». Равнымъ образомъ, чувствовать идеи и сознать или находиться въ состояніи сознанія идеи значить выражать различнымъ образомъ одинъ и тотъ-же фактъ. Следовательно, не существуетъ спеціальнаго чувства, операціи или состоянія, называемаго сознаніемъ, которое было бы отлично отъ другихъ чувствъ, операцій или состояній. Чувствовать, вспоминать, умозаключать, вѣрить, судить — то-же, что сознать, что я чувствую, вспоминаю, умозаключаю, вѣрю, сужу и т. д.

Въ главахъ VI, VII, VIII и IX трактуется о концепціи, воображеніи, классификаціи и абстракціи. На содержаніи этихъ

фортъ жизни и всѣ нужды немедленно удовлетворяются. Такимъ образомъ идея денегъ соединилась съ идеей блага чрезъ посредство другихъ идей, которыя не вызываются болѣе въ сознаніи. Субъектъ дѣлается нередко алчнымъ къ деньгамъ безъ нужды и непосредственныхъ побудительныхъ къ тому причинъ, въ-силу дѣйствія ассоціацій.

¹ Analysis. Chap. V, стр. 224.

главъ мы не будемъ останавливаться, иначе намъ пришлось бы слишкомъ много мѣста посвятить изложенію трактата Джемса Милля. Перейдемъ къ главѣ X, гдѣ говорится о памяти.

Память есть сложная умственная операція. Въ этомъ согласны, говоритъ Милль, всѣ изслѣдователи. Но какіе элементы входятъ въ составъ памяти, — надлежащаго анализа этого не представлено.

Прежде всего извѣстно, что идеи составляютъ основную часть памяти. Всякое воспоминаніе совершается не иначе, какъ чрезъ идеи. Но память и идея не одно и то-же. Идея можетъ существовать безъ памяти; но память не можетъ быть безъ идеи. Состояніе сознанія, называемое памятью, состоитъ изъ идеи и «нѣчто». Что же это «нѣчто», что въ соединеніи съ идеею оставляетъ память?

Нетрудно доказать, что идея, которая составляетъ основную часть памяти, вызывается въ сознаніи не иначе, какъ чрезъ ассоціацію. Положимъ, мы не видимся съ нашимъ знакомымъ, съ которымъ находились въ дружбѣ нѣсколько лѣтъ. Предметы, которые часто представлялись нашему взору вмѣстѣ съ нимъ, идеи, ассоціированныя съ идеею о немъ, вызываютъ воспоминаніе о немъ. Необходимая зависимость памяти отъ ассоціаціи еще сильнѣе доказывается слѣдующимъ образомъ. Мы не можемъ вызвать идею силою воли. Когда идетъ рѣчь о хотѣніи, то въ умѣ должна быть идея хотѣнія. Хотѣніе безъ идеи «нелѣпость такая-же, какъ если-бы кто сказалъ: «я хочу, ничего не хотя»¹. Поэтому, если въ умѣ должна быть идея хотѣнія, какъ условіе хотѣнія, то хотѣть имѣть въ умѣ идею значить хотѣть имѣть то, что уже предполагается имѣющимся. Всякому знакомо то состояніе духа, о которомъ говорятъ: усиливаться вспомнить. Извѣстно, что въ этомъ состояніи въ умѣ нѣтъ идеи, которую мы стараемся имѣть. Какъ же мы обыкновенно поступаемъ, чтобы добиться возникновенія ея въ умѣ? Если мы не имѣемъ самой идеи, то имѣемъ извѣстныя идеи, связанныя съ нею. Мы приобѣгаемъ къ этимъ

¹ Analysis. Chap. X, стр. 322.

идеямъ въ надеждѣ, что какая-нибудь изъ нихъ возбудитъ, чрезъ ассоціацію, идею, которую мы ищемъ. Положимъ, мы встрѣтили стараго знакомаго, имя котораго мы забыли, но желаемъ вспомнить. Мы прибѣгаемъ къ извѣстному количеству именъ въ надеждѣ, что какое-либо изъ нихъ ассоціировалось съ идеей индивидуума. Мы перебираемъ въ мысли всѣ обстоятельства, среди которыхъ мы обыкновенно встрѣчали его; обращаемъ мыслю къ тому времени, когда были знакомы съ нимъ, представляемъ мѣсто, въ которомъ знали его, личности, среди которыхъ знали его, вещи и проч. Если нападѣмъ на идею, съ которою ассоціировалось имя, то вспомнимъ послѣднее, если же нѣтъ, то наша попытка останется тщетною. Есть и другой рядъ случаевъ, очень знакомый, подтверждающій очевидность нашего предмета. Часто случается, что относительно нѣкоторыхъ вещей мы желаемъ, чтобы онѣ не были забыты. Въ такомъ случаѣ мы прибѣгаемъ къ извѣстной хитрости для закрѣпленія въ памяти желаемаго, чтобы быть увѣренными, что оно непременно вспомнится тогда, когда нужно. Мы стараемся образовать ассоціацію между идеей вещи, которую нужно вспомнить, и какимъ-нибудь ощущеніемъ или идеей, относительно которыхъ напередъ знаемъ, что онѣ встрѣтятся въ то время, когда нужно, чтобы вспомнилась необходимая вещь, или въ ближайшее къ тому время. Обратимся къ обыденному примѣру: принимающій порученіе отъ друга связываетъ узелъ на концѣ платка, чтобы не забыть этого порученія. Какъ объяснить этотъ фактъ? Прежде всего идея порученія ассоціирована съ узломъ на платкѣ. Потомъ, платокъ — такая вещь, которая какъ извѣстно, часто попадаетъ на-глаза. Какъ скоро попадетъ на-глаза платокъ, бросится въ глаза и узелъ и, само собою разумѣется, вспомнится данное порученіе.

Существуютъ два случая памяти: одинъ состоитъ въ воспоминаніи ощущеній, другой — въ воспоминаніи идей; въ первомъ случаѣ мы вспоминаемъ то, что видѣли, слышали, обоняли, ося-

зали и проч.; во второмъ случаѣ мы вспоминаемъ то, о чемъ думали безъ вмѣшательства ощущеній. Я вспоминаю, говоритъ Милль, что видѣлъ и слушалъ Георга III, когда онъ говорилъ рѣчь при открытіи парламента. Это — случай воспоминанія ощущенія. Я вспоминаю мою конценцію императора Наполеона, когда читаю разсказъ о его первомъ обращеніи къ французской палатѣ. Это — случай воспоминанія идей.

Въ томъ и другомъ случаѣ сознаніе памяти, какъ относящейся къ прошедшему, есть идея весьма сложная и состоитъ изъ трехъ главныхъ элементовъ: а) состоянія сознанія, которое мы называемъ субъектомъ, вспоминающимъ себя; б) состояніе сознанія, которое мы называемъ субъектомъ перципировавшимъ и конципировавшимъ, и в) состоянія сознанія послѣдовательныя, которыя занимаютъ промежутокъ между двумя пунктами. По мнѣнію Милля, мы быстро пробѣгаемъ мыслію рядъ состояній сознанія посредствующихъ между моментомъ воспоминанія и тѣмъ моментомъ, когда произошло событіе, и чрезъ эту быстроту движенія происходитъ то, что фактъ намъ кажется прошедшимъ. Все сводится поэтому къ ассоціаціи идей, потому что существуетъ только идея субъекта (который вспоминаетъ), идея субъекта существовавшего въ прошломъ (который воспринималъ) и идея ряда состояній сознаній, которыя наполняли промежутокъ.

Случаи забвенія доказываютъ, что память основывается на ассоціаціи. Забвеніе происходитъ тогда, когда ассоціація или ослабѣваетъ или совершенно уничтожается. Нѣкоторыя вещи мы забываемъ абсолютно. Это значитъ, что ассоціація уничтожилась.

Есть люди, которые чрезъ частое повтореніе ложной исторіи доходятъ до того, что наконецъ сами считаютъ ее истинною. Отъ чего это происходитъ? Какъ было сказано, существуютъ два случая памяти — память ощущеній и память идей. Указанный случай происходитъ отъ того, что память идей ошибочно принимается за память ощущеній. Когда разсказчикъ въ

первый разъ передаетъ эту исторію, то обстоятельства, сюда относящіяся, напоминаютъ ему, что онъ самъ выдумалъ эту исторію. При частомъ же повтореніи ея, какъ дѣйствительной исторіи, идея себя, какъ измыслившаго ее, мимолетно проскользаетъ; напротивъ, идея себя, какъ лица дѣйствующаго, особенно отчетливо выдвинется на первый планъ. Затѣмъ, первое обстоятельство все менѣе и менѣе останавливаетъ вниманіе; напротивъ, ко второму вниманіе сильно возбуждается. Наконецъ, послѣднее окончательно возобладастъ надъ первымъ, такъ-что первое совершенно перестаетъ дѣйствовать.

Послѣ объясненія явленій памяти Джемсъ Милль переходитъ въ слѣдующей, XI главѣ, къ объясненію вѣры (belief)¹.

Вѣра въ событія или дѣйствительныя существованія можетъ имѣть своимъ предметомъ настоящее, прошедшее и будущее. Начнемъ съ вѣры, которая имѣетъ своимъ предметомъ настоящее.

1. Первый случай вѣры въ настоящее имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ предметъ непосредственно дѣйствуетъ на наши чувства. Я, напр., вѣрю, что это — роза. Эта вѣра заключаетъ въ себѣ прежде всего довѣріе моимъ внѣшнимъ чувствамъ; довѣрять же чувствамъ значитъ то-же, что имѣть ощущенія. Иное дѣло вѣрить въ существованіе внѣшнихъ предметовъ; это не такъ просто, какъ вѣрить въ наши ощущенія. Въ этомъ актѣ заключается нѣчто большее. Смотря на розу, я получаю ощущеніе цвѣта и не только это ощущеніе, но и ощущеніе разстоянія, фигуры или формы. Эти послѣднія идеи ассоціировались съ ощущеніемъ цвѣта. Съ ними могли ассоціироваться еще другія идеи, напр. идеи запаха, вкуса, сопротивленія. Итакъ, моя идея розы образовалась чрезъ соединеніе многихъ идей, изъ которыхъ одна или двѣ (идея цвѣта, идея фигуры) берутъ перевѣсъ надъ другими, становятся ихъ представителями и вызываютъ ихъ. Теперь я

¹ Analysis. Chap. XI, стр. 341 и слѣд. Ribot, La Psychologie anglaise contemporaine. 1870, стр. 60 и слѣд.

разсматриваю мои ощущенія, какъ дѣйствіе, и вѣрю въ существованіе «чего-то», что составляетъ ихъ причину; къ этой-то причинѣ и относится то, чему усвоено названіе предмета, а не дѣйствію. «Съ каждымъ ощущеніемъ, получаемымъ нами отъ предмета, мы соединяемъ въ нашемъ воображеніи причину; эти различныя причины мы соединяемъ въ одну, общую всеѣмъ, и отмѣчаемъ ее названіемъ субстрата (substratum)». Вообще мы испытываемъ группы (clusters) ощущеній; эти ощущенія вызываютъ идею предшествующихъ (качествъ), а эти въ свою очередь вызываютъ идею общаго всеѣмъ качествамъ (субстрата); субстратъ съ его качествами мы называемъ предметомъ. Слѣдовательно, въ нашемъ вѣрованіи въ существованіе вѣншихъ предметовъ заключаются: а) группа идей, соединенныхъ чрезъ ассоціацію въ одно цѣлое, и б) идея предшествующаго (причины).

Такимъ образомъ, это вѣрованіе содержитъ въ себѣ теорію причины, которая крайне проста у Милля: пусть будетъ фактъ *B* и предшествующій ему фактъ *A*; если соединеніе ихъ вмѣстѣ дается намъ, какъ неразрывная ассоціація, и порядокъ ассоціаціи неизмѣнный, то мы говоримъ, что *A* есть причина *B*.

Второй случай вѣры въ настоящее имѣетъ мѣсто, когда предметъ не находится на-лицо, т. е. не дѣйствуетъ непосредственно на чувства. Я вѣрю, что церковь св. Павла, которую я видѣлъ утромъ, существуетъ еще. Это равносильно тому, какъ если-бы я сказалъ: если-бы я или другой находились въ это время въ извѣстной части Лондона, то имѣли бы ощущенія церкви св. Павла. Эта вѣра заключаетъ въ себѣ память, сущность которой изложена выше, и распространеніе ея на будущее, о чемъ будетъ сказано дальше.

2. Вѣра въ прошедшій фактъ коренится въ памяти. Когда я говорю, что вспоминаю пожаръ театра Drury Lane, то воспоминаніе событія и вѣра въ него не составляютъ двухъ различныхъ состояній сознанія; это одно и то-же состояніе сознанія, называемое различными именами.

3. Вѣра, которая имѣетъ своимъ предметомъ будущее, есть въ основаніи умственный процессъ, называемый индукціей. Милль полагаетъ, что его можно свести къ простой ассоціаціи. «Предвѣдѣніе будущаго при помощи прошедшаго, не будучи явленіемъ sui generis, заключается въ одномъ изъ болѣе общихъ законовъ человѣческаго духа». Мы не можемъ имѣть идею будущаго, потому что будущее, строго говоря, не существуетъ, идею же несуществующаго имѣть нельзя. Когда мы говоримъ о будущемъ, то въ-дѣйствительности говоримъ о прошедшемъ. Я вѣрю, что настанетъ завтрашній день, что будетъ движеніе по улицамъ Лондона и т. д. Это — идеи прошедшаго. «Наша идея будущаго и наша идея прошедшаго — одна и та-же идея съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ одномъ случаѣ мы обращаемся своимъ умственнымъ взоромъ назадъ, а въ другомъ — впередъ».

Что же такое предвѣдѣніе будущаго? Основной законъ ассоціаціи состоитъ въ томъ, что когда два предмета часто встрѣчаются вмѣстѣ, то одинъ изъ нихъ вызываетъ въ памяти другой. Въ этихъ обычныхъ ассоціаціяхъ наиболѣе интересуютъ насъ предыдущее и послѣдующее. Среди многочисленныхъ предыдущихъ и послѣдующихъ, составляющихъ вообще нашъ опытъ, одни слѣдуютъ другъ за другомъ въ неизмѣнномъ порядкѣ, въ другихъ порядокъ слѣдованія измѣняется. Въ первомъ случаѣ создается ассоціація, представляющая неизмѣнный порядокъ.

Идея факта, взятаго въ цѣлости, вызываетъ въ памяти идею неизмѣннаго предыдущаго и идею неизмѣннаго послѣдующаго. Этотъ важный законъ нашей природы непосредственно указываетъ намъ на то — какимъ образомъ создается наша идея будущаго. Послѣ ночи всегда слѣдовало утро; за идеей ночи слѣдовала идея утра. И вотъ идея завтрашняго дня, за которымъ послѣдуетъ другой день и неопредѣленное число завтрашнихъ дней, составить сложную идею будущаго.

Но скажутъ: это — только идея завтренняго дня, а не вѣра въ его существованіе; что же такое эта вѣра? Отвѣтъ на это — тотъ, что вы не только имѣете идею завтренняго дня, но съ нею неразрывно соединяется и существованіе. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ неразрывную ассоціацію идей.

Вѣра въ свидѣтельство коренится также въ ассоціаціи. Въ самомъ дѣлѣ, отъ словъ другихъ (сказанныхъ или написанныхъ) мы переходимъ къ фактамъ и идеямъ, ихъ представляющимъ; это — по ассоціаціи. Къ этому слѣдуетъ присоединить, что наша вѣра въ факты основывается на собственномъ опытѣ.

Третій классъ вѣрованій составляетъ вѣра въ истину предложеній, другими словами — въ истины вербальныя. Процессъ, при помощи котораго создается эта вѣра, есть сужденіе. Предложеніе есть форма утвержденія. Утвержденіе въ сущности состоитъ въ приложеніи двухъ знаковъ къ одному и тому-же предмету; напр. человекъ есть животное разумное. Или прилагаютъ къ одному и тому-же предмету названія, имѣющія одно большій, другое меньшій объемъ; напр. человекъ есть животное. Въ первомъ указанномъ случаѣ эквивалентъ двухъ словъ извѣстенъ чрезъ ассоціацію; человекъ и животное разумное — два названія для одного и того-же состоянія сознанія; они ассоціируются, какъ знаки одной и той-же группы идей. Во второмъ случаѣ ассоціація сложнѣе: въ этомъ — все различіе. Человекъ есть названіе группы идей, внушаемыхъ ассоціаціей; животное — также названіе группы идей; эта группа заключаетъ въ себѣ первую группу и еще другія.

На слѣдующихъ главахъ — XIII объ умозаключеніяхъ, XIV объ абстрактныхъ терминахъ (числѣ, времени, движеніи и др.) и XV о рефлексіи останавливаться мы не будемъ.

Вообще ощущенія, идеи, ассоціаціи, безчисленными способами составляясь, измѣняясь, группируясь и возрастая, составляютъ, по Миллю, механизмъ человѣческаго интеллекта, заключающаго въ себѣ процессы и операціи познавательныя.

Въ главѣ XVI дается Миллемъ понятіе о различіи между интеллектуальными и активными способностями.

Давно уже, говоритъ Милль, дѣлятъ всѣ явленія духа на два класса: на способности интеллектуальныя и способности активныя. Въ первомъ случаѣ ощущенія и идеи разсматриваются просто, какъ существующія; во второмъ онѣ разсматриваются, какъ возбуждающія къ дѣйствію.

Мы видѣли, что явленія перваго класса способны формироваться въ группы болѣе или менѣе сложныя и что они слѣдуютъ другъ за другомъ по неизмѣннымъ законамъ. Явленія втораго класса также способны къ сформированію въ группы и слѣдованію другъ за другомъ по неизмѣннымъ законамъ. Слѣдовательно, въ этомъ сходны между собою указанные два класса явленій. Остается указать отличіе послѣднихъ отъ первыхъ.

Всѣ наши чувства бываютъ пріятны, непріятны и безразличны. Мы желаемъ продолжить первыя, прекратить вторыя; что же касается третьихъ, то мы не желаемъ ни продолжить ихъ, ни прекратить.

Удовольствіе и страданіе — вотъ два первичныхъ факта чувствованій. Эти факты имѣютъ причины, которыя дѣлятся на два вида: ближайшія причины и отдаленныя. Горькое лѣкарство, которое я пью, есть ближайшая или непосредственная причина моего чувства отвращенія; приговоръ суда есть отдаленная причина наказанія преступника. Непосредственныя причины мало интересуютъ насъ. Этотъ кажущійся парадоксъ происходитъ отъ одного изъ общихъ законовъ нашей природы: непосредственныя причины не имѣютъ широкаго поля дѣйствія; идеи этихъ причинъ ассоціируются съ ограниченнымъ количествомъ удовольствій и страданій. Напр., сравните непосредственную причину удовольствія отъ пищи съ отдаленною причиною удовольствія отъ денегъ и вы увидите, что эта послѣдняя играетъ важнѣйшую роль, потому что деньги составляютъ средство для пріобрѣтенія чрезвычайнаго многихъ удовольствій. Если идея предмета ассоціиро-

балась съ удовольствіемъ во сто разъ больше, чѣмъ другая идея, то она естественно становится во сто разъ интереснѣе этой другой.

Милль останавливается только на отдаленныхъ причинахъ и распредѣляетъ ихъ по тремъ отдѣламъ: а) богатство, власть, почести и ихъ противныя; б) наши близкіе — родители, друзья, сограждане и проч., и в) высокіе и прекрасные предметы.

Для образца анализовъ Милля въ области эмоцій мы остановимся на его анализѣ любви родителей къ дѣтямъ.

Прежде всего хорошо извѣстно, что удовольствія и страданія другаго дѣйствуютъ на насъ, т. е. ассоціируются съ идеями нашихъ удовольствій и нашихъ страданій; это явленіе справедливо называется симпатіей (*συνπάθεια*). И дитя, какъ и всякая другая личность, можетъ возбудить въ насъ эти чувства. Потомъ каждый смотритъ на свое дитя, какъ на причину будущихъ для него удовольствій и страданій; въ этомъ онъ увѣренъ болѣе, чѣмъ относительно всякой другой личности. Такимъ образомъ, дитя служитъ предметомъ самаго сильнаго интереса, т. е. рядъ интересныхъ идей или идей удовольствія и страданія ассоціируется съ идеей дитяти. Далѣе, живость ребенка, его простота рѣчи и проч. способны въ-частности возбудить нашу симпатію къ нему. Кромѣ того, дитя находится въ полной зависимости отъ родителей, что также должно постоянно вызывать въ нихъ заботливость о его сохраненіи; идея его ассоціируется съ идеей власти, которая всегда пріятна.

Другой источникъ пріятной ассоціаціи слѣдующій: ежедневный опытъ доказываетъ, что мы любимъ того, кому часто дѣлаемъ добро. Это справедливо не только по отношенію къ людямъ, но и по отношенію къ животнымъ.

Вслѣдствіе того, что дѣти служатъ предметомъ добрыхъ дѣйствій, часто повторяемыхъ со стороны родителей, у послѣднихъ развивается любовь къ нимъ въ-силу указанного принципа. Что родительская любовь создается этими и другими, сходными съ ними, ассоціаціями, это доказываютъ самые точные фак-

ты. Всякій разъ, какъ человѣкъ бываетъ поставленъ среди обстоятельствъ, производящихъ эти ассоціаціи, онъ чувствуетъ родительскую любовь, не будучи отцомъ. Таково положеніе отца, который, не зная невѣрности своей жены, любитъ дитя другого, какъ онъ любилъ бы свое собственное дитя. Съ другой стороны, мы видимъ, что въ семействахъ крайне бѣдныхъ и весьма богатыхъ обстоятельства мало благоприятны образованію ассоціацій, изъ которыхъ слагается родительская любовь. Въ случаѣ крайней бѣдности (не бѣдности умѣренной) мало обстоятельствъ, ведущихъ къ ассоцірованію идеи дитяти съ пріятными идеями, или же онѣ нейтрализуются необходимостію постоянного труда и недостаткомъ времени для занятія съ ребенкомъ. Въ случаѣ же большого богатства вниманіе родителей бываетъ отвлечено удовольствіями и приличіями свѣта. Такъ-какъ богатые мало занимаются сами воспитаніемъ дѣтей, то у нихъ съ идеею дѣтей соединяется не много пріятныхъ и мучительныхъ идей; вслѣдствіе этого любовь бываетъ несовершенна.

Теперь перейдемъ къ XXIV главѣ, заключающей въ себѣ важный трактатъ о волѣ.

«Наша задача будетъ вполне достигнута, говоритъ Миль, если мы раскроемъ — каково дѣйствительное состояніе духа, непосредственно предшествующее дѣйствію»¹.

Дѣйствія человѣка могутъ быть раздѣлены на два класса: а) тѣ, которыя называются дѣйствіями тѣла, и б) тѣ, которыя называются дѣйствіями духа.

Дѣйствія тѣла суть мускульныя сокращенія. Имъ предшествуютъ или ощущенія, каковы всѣмъ извѣстныя: чиханіе, рвота, кашель и прч., или идеи, напр. — зѣвота, смѣхъ, конвульсіи при взглядѣ на другаго, зѣвающего, смѣющегося или находящагося въ припадкѣ конвульсій; сюда-же относится случай, когда человѣкъ моментально закрываетъ глаза при видѣ предмета, направленного противъ него. Это дѣйствіе возникаетъ вслѣдствіе

¹ Analysis. Chap. XXIV, стр. 329.

идеи страданія, возбужденной чувством зрѣнія. Этотъ случай представляетъ намъ прекрасный примѣръ ассоціаціи, такъ-какъ ребенокъ не закрываетъ глазъ, если предъ его глазами, положимъ, быстро пролетитъ что-либо; взрослый не можетъ остаться въ такомъ положеніи въ данномъ случаѣ.

Когда сокращенію мускуловъ предшествуютъ ощущенія, то слѣдуетъ отмѣтить здѣсь слѣдующія ступени: а) ощущение, произведенное оконечностями нервовъ, б) нѣчто намъ неизвѣстное, что передается черезъ нервы мозгу; в) слѣдующее за-тѣмъ состояніе мозга; г) нѣчто намъ также неизвѣстное, что чрезъ мозгъ передается въ другую область нервовъ для сокращенія мускуловъ, и д) слѣдующее за-тѣмъ сокращеніе мускуловъ. Когда же сокращенію мускуловъ предшествуютъ идеи, то первыхъ двухъ ступеней не бываетъ и процессъ начинается съ третьяго или съ извѣстнаго состоянія мозга. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ состояніе мозга есть, собственно говоря, непосредственный умственный antecedentъ сокращенію мускуловъ.

Когда сокращенію мускуловъ предшествуетъ ощущеніе, то этого рода движеніе не подлежитъ нашему контролю; и идея, разсматриваемая, какъ antecedentъ движенію, тоже прямо не отвѣчаетъ тому, что мы понимаемъ подъ дѣйствіемъ воли. Когда мускульное сокращеніе слѣдуетъ за идеей, то, чтобы имѣть власть надъ первымъ, нужно имѣть власть надъ послѣднею, и чтобы послѣдовали ассоціированныя движенія, необходимо для этого пріобрѣсти власть надъ ассоціаціями идей, такъ чтобы немедленно вызывать соотвѣтствующія ассоціаціи идей. Слѣдовательно, власть воли распространяется не на движенія, а на идеи и ассоціаціи идей, которыя предшествуютъ этимъ движеніямъ. Итакъ, чтобы движенія или дѣйствія были въ собственномъ смыслѣ нашими, для этого необходимо, чтобы по-крайней-мѣрѣ одна изъ идей, устанавливающихъ состояніе воли, была идеей дѣйствія, какъ нашего собственного.

Заключается ли въ хотѣніи еще что-нибудь кромѣ вышеуказанныхъ элементовъ? Въ дѣйствіяхъ въ строгомъ смыслѣ произвольныхъ идеи ихъ должны сопровождаться желаніемъ, которое составляетъ необходимый признакъ, ихъ отличающій. Желаніе есть идея будущаго пріятнаго чувства или же устраненія страданія. Слѣдовательно, въ-состояніи духа, предшествующемъ такъ-называемымъ произвольнымъ дѣйствіямъ, должны находиться вмѣстѣ (сосуществовать): а) идея дѣйствія, въ смыслѣ нашего собственнаго дѣйствія, и б) идея пріятнаго состоянія, которое мы должны испытать по выполненіи дѣйствія. Другими словами, мы должны имѣть идею будущаго пріятнаго состоянія, соединенную съ идеей нашего дѣйствія, какъ причины его.

Такъ именно опредѣляли мотивъ. Но мотивъ тождественъ ли съ волею? Нѣтъ; они различны между собою въ слѣдующемъ.

Для достиженія цѣли мысль наша движется въ слѣдующемъ порядкѣ: цѣль, т. е. желаемое удовольствіе, составляетъ первый предметъ созерцанія духа; ближайшая ступень къ достиженію цѣли — второй предметъ; ступень непосредственно слѣдующая затѣмъ — третій и т. д. до ступени, съ которой долженъ начаться процессъ выполненія. Объяснимъ примѣромъ. Возьмемъ удовольствіе жизни въ прекрасномъ собственномъ домѣ. Мы представляемъ себѣ это удовольствіе и желаемъ имъ пользоваться. Это — цѣль. Комнаты, мебель, приспособленія въ домѣ — ближайшая ступень движенія къ цѣли; затѣмъ непосредственно слѣдуетъ мысль о постройкѣ и меблированіи, о необходимости для этого прибѣгнуть къ архитектору и меблировщику; наконецъ, мысль о деньгахъ. Порядокъ выполненія совершенно обратный: онъ начинается тамъ, гдѣ кончается первый. Если задуманный планъ о постройкѣ дома хотятъ осуществить на-дѣлѣ, то первая ступень состоитъ въ томъ, чтобы добыть деньги; затѣмъ уже забота объ архитекторѣ и т. д., пока не будетъ

достигнуто удовольствіе жизни въ собственномъ домѣ, которое первоначально только предусматривалось.

Эти двѣ операціи слѣдуетъ различать: одну мы можемъ называть образованіемъ мотивовъ, другую — выполненіемъ ихъ. Первая ассоціація начинается съ удовольствія. Идея удовольствія ассоціируется съ непосредственною его причиною; эта причина ассоціируется съ своею причиною и т. д., пока ассоціація не достигнетъ причины дѣйствія или выполненія. Процессъ можетъ остановиться здѣсь, и въ этомъ случаѣ мотивъ не возбудитъ насъ къ дѣйствію. Если же онъ возбудитъ насъ къ дѣйствію, то, какъ мы видѣли, послѣдуетъ процессъ совершенно обратный. Въ первомъ процессѣ ассоціаціи удовольствіе составляетъ первое звено въ цѣпи, дѣйствіе же — послѣднее звено; во второмъ процессѣ дѣйствіе составляетъ первое звено, а удовольствіе — послѣднее. Если выполненъ первый процессъ, то ассоціація называется мотивомъ; если выполненъ второй процессъ, то ассоціація называется волею.

Здѣсь является только одно затрудненіе, говоритъ Милль. Первый процессъ заканчивается идеей дѣйствія; второй процессъ начинается съ идеи дѣйствія. Такимъ образомъ, идея дѣйствія вызывается дважды. Какъ примирить это съ предлагаемою неизмѣнною связью между мускульнымъ движеніемъ и идеей, его производящею? Трудность эта разрѣшается тѣмъ, что выраженіе — «идея дѣйствія» имѣетъ два смысла. Здѣсь, собственно говоря, двѣ идеи, которыя различны, но которыми мы даемъ одно названіе. Одна изъ этихъ идей относится ко внѣшнему обнаруженію дѣйствія и всегда очевидна; другая есть отобразъ внутреннихъ чувствъ, которыя первоначально возбуждаютъ мускулы къ движенію и которыя въ силу привычки не могутъ сдѣлаться предметомъ нашего вниманія. Идея, сюда относящаяся, не очевидна; такъ-какъ нашъ духъ быстро переходитъ отъ нея къ дѣйствію, изъ нея вытекающему, то она теряется въ массѣ ощущеній.

Эта послѣдняя идея и составляет то, отъ чего получается сокращеніе мускуловъ, какъ слѣдствіе. Въ процессѣ ассоціаціи, который названъ мотивомъ, изъ двухъ вышеуказанныхъ идей вызывается одна, именно: идея внѣшняго выраженія дѣйствія. Если ассоціація останавливается здѣсь, то мотивъ остается не дѣйствующимъ; если-же ассоціація не останавливается, если, напротивъ, идея внѣшняго обнаруженія дѣйствія вызываетъ идею внутреннихъ чувствъ дѣйствія, то мотивъ становится дѣйствующимъ, и это мы называемъ волею.

Если насъ спросятъ: какимъ образомъ идея внѣшняго обнаруженія дѣйствія въ одномъ случаѣ вызоветъ идею внутреннихъ чувствъ дѣйствія, въ другомъ — не вызоветъ ее, то мы сошлемся на законы ассоціацій, на-сколько они извѣстны. Мы имѣемъ здѣсь извѣстный случай ассоціацій на-столько крѣпкихъ, что ни одна изъ нихъ никогда не возникаетъ безъ того, чтобы не вызвать другую.

Теперь, когда принято, что всякое мускульное сокращеніе есть дѣйствіе ассоціаціи, слѣдуетъ перейти къ другимъ явленіямъ, сюда относящимся. Постараемся выяснитъ, въ чемъ состоитъ власть, которую, по-видимому, имѣетъ нашъ духъ надъ ассоціаціями.

Нужно различать два вида теченія мыслей. Относительно одного предполагается, что теченіе мыслей совершается по установленнымъ законамъ ассоціацій безъ вмѣшательства воли или направляющаго духа, напр. во снѣ, въ сѣмъствіи и проч. Другой видъ — таковъ, что теченіе мыслей направляется самимъ духомъ, напр. въ умозаключеніяхъ или процессѣ мысли, направленномъ къ практической цѣли. Направляющій духъ и воля — одно и то-же. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что воля — не ассоціація, а то, что имѣетъ власть надъ ассоціаціей. Какую власть?

Можно предположить два способа, которыми воля властвует надъ ассоціаціями: или она вызываетъ идею независимо отъ ассоціаціи, или она вызываетъ не ту идею, которая должна вызываться произвольно, а другую. Предлагаемый первый способъ, т. е. что идея можетъ быть вызвана непосредственно силою воли, одинаково отвергается всеми философами, говоритъ Милль. Второй способъ, т. е., что воля можетъ воспрепятствовать возникновенію идеи, которая должна возникнуть произвольно, и вызвать другую идею, подлежитъ еще разсмотрѣнію.

Какимъ образомъ воля или волящій духъ можетъ воспрепятствовать возникновенію идеи? Мы знаемъ, что это невозможно во всехъ тѣхъ случаяхъ, когда ассоціація неразрывна; мы не можемъ думать о цвѣтѣ, не думая о протяженіи. Слѣдовательно, нужно предположить, что воля имѣетъ вышеуказанную власть лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ неразрывной ассоціаціи, гдѣ идея ассоциируется съ извѣстною идеей столько-же, сколько и съ другими. Но въ такомъ случаѣ какимъ образомъ мы можемъ предвидѣть, какая изъ этихъ идей будетъ вызвана? Если мы напередъ будемъ знать, что вызовется идея, которую мы желаемъ избѣжать, то отсюда слѣдуетъ, что идея находится уже въ нашемъ умѣ. Слѣдовательно, опять выходитъ та-же несообразность, какъ и въ первомъ предположеніи.

Если нашъ духъ имѣетъ власть надъ теченіемъ мыслей, то эта власть ограничивается, по-видимому, способностію вызывать не тѣ идеи, которыя возбуждаются произвольно. Если эта власть существуетъ, то она соединяется съ властію устранять идеи, которыя иначе возникали бы; отсюда должно начаться новое теченіе ассоціацій благодаря состоянію сознанія, такимъ образомъ произведенному. Слѣдовательно, въ этомъ и состоитъ сила воли.

Здѣсь мы непосредственно сталкиваемся съ вопросомъ: если духъ не можетъ сдѣлать идею предметомъ воли, то въ-силу чего

онъ можетъ вводить идею въ теченіе мыслей, при томъ — такую, какую нужно? Если она уже имѣется, то, значить, она раньше существовала въ немъ; если же нѣтъ, то что способствуетъ ея возникновенію? Здѣсь слѣдуетъ указать на два извѣстныхъ процесса, которые обыкновенно приводятся, какъ примѣры власти, которую духъ обнаруживаетъ надъ теченіемъ мыслей: одинъ состоитъ въ усилии вспомнить то, что не вспоминается; другой представляетъ процессъ вниманія.

Если вспоминается какой-нибудь предметъ, то идея предмета всегда находится въ духѣ вмѣстѣ съ извѣстными ассоціаціями. Слѣдовательно, предметъ вызывается въ памяти чрезъ возбужденіе его идеи. Иногда дѣлаемое нами усиліе вспомнить бываетъ успѣшно; въ другой разъ — нѣтъ. Когда мы говоримъ: «хотимъ вспомнить», то выражаемся не точно. «Вспомнить» значитъ вызвать идею; но это, какъ сказано раньше, не находится во власти воли. Когда говорятъ, что хотятъ вспомнить, то разумѣютъ подъ этимъ только свое желаніе вспомнить, а отнюдь не то, что это состоитъ въ ихъ власти при помощи силы воли.

Уже объяснено раньше, что разумѣется подъ словомъ — «желаніе». Это слово относится къ удовольствію или причинѣ удовольствія. При этомъ, предметомъ желанія служить идея, которую духъ отыскиваетъ. Но почему она желательна? — желательна ли она, какъ удовольствіе или какъ причина удовольствія? Нужно сказать, что во всѣхъ случаяхъ она желательна, какъ причина удовольствія. Недостаетъ идеи для цѣли, а въ этой-то цѣли и заключается удовольствіе.

Такимъ образомъ, цѣль состоитъ въ пріятной, т. е. интересной идеѣ. Но характеръ интересныхъ идей состоитъ въ томъ, чтобы оставаться въ духѣ. Это влечетъ за собою то, что эти идеи легко вызываются чрезъ другія идеи и такимъ образомъ постоянно возвращаются въ духъ. Каждый предметъ вызываетъ ихъ. Нѣтъ закона ассоціацій болѣе замѣчательнаго, какъ за-

конъ быстроты, съ которою пріятныя и мучительныя идеи возбуждаютъ теченіе мыслей чрезвычайно сложное, и легкости, съ которою оно возбуждается при помощи идеи, возобладавшей духомъ. Следовательно, когда мы стараемся вспомнить что-нибудь, то пріятная идея, предметъ или цѣль, преобладаетъ въ нашемъ духѣ и порождаетъ ассоціаціи, что называется усиленіемъ вспомнить. Отыскиваемая идея отыскивается, какъ средство для этой цѣли. Пока эта идея не вызвана, идея цѣли, т. е. не удовлетворенное желаніе продолжаетъ существовать и вызывать одно за другимъ обстоятельства, болѣе или менѣе отъсно связанныя съ отыскиваемою идеей. Если эти обстоятельства не вызываютъ идею, то чувство неудовлетвореннаго желанія не прекращается и т. д. «Я думаю, заканчиваетъ Милль, что представлено здѣсь полное хотя и общее (summary) изложеніе умственного процесса или послѣдовательности идей — въ тѣхъ случаяхъ, когда мы усиливаемся вспомнить забытую идею»¹.

Другой процессъ, при помощи котораго духъ имѣетъ вліяніе, какъ предполагается, на теченіе нашихъ мыслей, есть вниманіе. Относительно вниманія на первый взглядъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что мы можемъ хотѣть быть внимательными или невнимательными въ чему-нибудь. Но, по Миллю, такого факта воли помимо ассоціацій не существуетъ. Мы бываемъ внимательными или съ ощущеніемъ или идеямъ. Ощущенія бываютъ или безразличныя или интересныя, пріятныя или непріятныя. Безразличныя ощущенія никогда не бываютъ предметомъ вниманія. Если мы внимательны къ извѣстному ощущенію, то это значитъ, что онѣ не безразличны, такъ-что испытывать интересное ощущеніе и быть внимательнымъ къ нему — не два состоянія сознанія, а два названія одного и того же состоянія. Правда, мы бываемъ иногда невнимательными къ инте-

¹ Analysis. Tom. II. Chap. XXIV, стр. 362.

реемымъ ощущеніямъ, и на-оборотъ — безразличныя ощущенія дѣлаются иногда предметомъ нашего вниманія; но эти случаи не нарушаютъ общаго правила и нуждаются лишь въ объясненіи. Мы бываемъ невнимательными къ интереснымъ ощущеніямъ тогда, когда ощущенія, интересныя при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, поглощаются въ исключительныхъ случаяхъ сильнѣйшими ощущеніями и живѣйшими идеями (достаточно указать на общеизвѣстный примѣръ, когда солдатъ во время жаркаго сраженія не чувствуетъ боли отъ раны, имъ полученной). Мы бываемъ внимательны къ ощущеніямъ безразличнымъ тогда, когда онѣ ассоціировались съ интересными идеями, такъ-что интересная идея съ безразличнымъ ощущеніемъ составляютъ одно смѣшанное состояніе сознанія, которое, какъ цѣлое, интересно.

Точно то-же приложимо и къ явленіямъ вниманія по отношенію къ идеямъ. Имѣть интересную идею и быть внимательнымъ къ ней — одно и то-же; къ безразличной идеѣ мы бываемъ внимательными только-тогда, когда она ассоціировалась съ идеями, которыя не безразличны. Для объясненія этого при помощи примѣра Милль беретъ составленіе трактата или разсужденія о какомъ-либо серьезномъ предметѣ. «Операція духа въ этомъ случаѣ состоитъ, кажется, въ непрерывномъ подборѣ, говоритъ Милль, т. е. въ дѣятельности непрерывно дѣйствующей силы, оперирующей надъ рядами ассоціацій»¹. При составленіи разсужденія имѣется въ-виду извѣстная цѣль, для достиженія которой и предпринимается разсужденіе. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ случаемъ, аналогичнымъ съ стремленіемъ вспомнить забытую идею. Какъ было объяснено раньше, интересная идея вызываетъ различныя идеи и не рѣдко бываетъ, что между этими идеями вызывается та, которую мы отыскиваемъ. При составленіи трактата или разсужденія намъ недостаетъ многихъ идей; но это не измѣняетъ сущности процесса. Преслѣдуемая цѣль составляетъ интересную идею, которая есть вмѣстѣ и преобладающая въ духѣ

¹ Analysis. Chap. XXIV, стр. 369.

идея. Она и есть стимулъ къ дѣятельности. Эта идея вызываетъ множество идей. Значительное количество ихъ остается безъ употребленія; но много вызывается и такихъ идей, которыя необходимы для объясненія предмета разсужденія. Такого же рода — примѣръ преслѣдованія въ жизни извѣстной цѣли. Последняя изо-дня-въ-день управляетъ всѣми дѣйствіями человѣка. Идея цѣли, которой онъ домогается, ассоціируется со всѣми идеями дѣйствій, которыя ведутъ къ осуществленію цѣли.

Изъ сказаннаго — выводъ такой: когда мы внимательны къ идеямъ или ощущеніямъ, вниманіе зависитъ отъ встрѣчи и притока интересныхъ ощущеній или идей, будутъ ли онѣ интересны независимо или въ-зависимости отъ ассоціацій, т. е. какъ составная часть сложнаго цѣлаго, въ числѣ ингредиентов котораго существуютъ интересныя идеи или ощущенія.

Главу «О волѣ» Милль оканчиваетъ слѣдующимъ резюме: «по отношенію къ состоянію духа, предшествующему дѣйствію, мы, по-видимому, знаемъ слѣдующіе неоспоримые факты: дѣйствіямъ въ однихъ случаяхъ предшествуютъ ощущенія, въ другихъ — идеи; во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ дѣйствіе приписывается волѣ, существуетъ желаемое, какъ средство для цѣли или, выражаясь точнѣе, — существуетъ нѣчто, какъ причина, ассоціированное съ удовольствіемъ, какъ дѣйствіемъ; идея внѣшняго обнаруженія дѣйствія, вызванная такимъ образомъ чрезъ ассоціацію, вызываетъ тѣмъ-же способомъ идею внутреннихъ чувствъ, которыя и составляютъ непосредственный антецедентъ дѣйствія, и затѣмъ уже слѣдуетъ дѣйствіе; какова бы ни была власть, которую мы имѣемъ надъ движеніями нашихъ мускуловъ, она зависитъ отъ нашей власти надъ нашими ассоціаціями; подъ этою властію надъ нашими ассоціаціями, вполне анализируванною, ничего другаго не подразумѣвается, кромѣ власти извѣстныхъ интересныхъ идей, происходящихъ отъ интересныхъ ощущеній, и идей, получившихъ силу чрезъ ассоціацію»¹.

¹ Analysis. Tom. II, стр. 378—9.

Нельзя не сознаться, что мы долго останавливались на психологическомъ трактатѣ Джемса Милля; но это произошло вслѣдствіе естественнаго желанія познакомить читателя, съ одной стороны, съ возможно большею частію содержанія трактата, съ другой — съ самыми приемами его психологическаго анализа. Поэтому, при изложеніи содержанія трактата мы или непосредственно, почти дословно, передавали содержаніе нѣкоторыхъ главъ трактата, или передавали его въ сокращеніи¹. Вліаніе психологическаго трактата Милля было весьма значительно на современныхъ психологовъ².

Но мы не находимъ возможнымъ говорить здѣсь о значеніи психологическаго трактата Милля и дѣлать критическую оцѣнку его. Укажемъ только на одну черту, отличающую, по нашему мнѣнію, психологическій трактатъ Милля. Въ предъидущей психологической литературѣ мы не знаемъ сочиненія, въ которомъ бы такъ обстоятельно, строго научно, такимъ кропотливымъ анализомъ раскрыто было въ области психическихъ явленій дѣйствіе закона причинности, какъ это сдѣлано въ трактатѣ Милля. До Милля защитники такъ-называемой философской необходимости не рѣдко считали нужнымъ доказывать дѣйствіе указаннаго закона въ области психическихъ явленій; Миллю нѣтъ необходимости прибѣгать къ доказательствамъ; оно становится очевиднымъ само собою, коль-скоро анализъ доведенъ до конца. Въ своихъ доказательствахъ защитники философской необходимости не рѣдко выходили изъ принципа зависимости психическихъ явленій отъ организаціи и дѣйствія законовъ физическихъ; анализъ Милля вращается исключительно въ области психическихъ явленій и здѣсь обнаруживаетъ безусловное дѣйствіе закона не-

¹ Въ последнемъ случаѣ мы пользовались пособіемъ двухъ сочиненій: *Ribot, La psychologie anglaise contemporaine* и *G. S. Bower, Hartley and James Mill (English philosophers. 1881)*.

² Объ этомъ вліаніи *Bower: Hartley and James Mill, part III. The value and influence of their opinions (Hartley's and Mill's)*.

обходимости и причинности. Достаточно напомнить читателю главу объ ассоціаціяхъ идей, о такъ-называемыхъ «неразрывныхъ ассоціаціяхъ», объ идеяхъ неассоціируемыхъ. Вся глава «О воль», содержаніе которой передано нами выше, служитъ непрерывнымъ доказательствомъ дѣйствія закона причинности въ области психическихъ явленій.

Какъ ни страннымъ на первый взглядъ можетъ показаться, тѣмъ не менѣе вѣрно то, что психологическій анализъ Милля, раскрывшій такъ убѣдительно дѣйствіе закона причинности въ области психическихъ явленій, далъ возможность послѣдующимъ психологамъ эмпирической школы поставить рѣшеніе вопроса «О свободной воль» на болѣе вѣрный научный путь. Это мы видимъ уже у Джона-Стюарта Милля; особенно же удачно это сдѣлано Вэномъ.

Джонъ-Стюартъ Милль. У Дж.-Ст. Милля нѣтъ спеціальнаго сочиненія по психологіи; тѣмъ не менѣе Рибо въ своемъ сочиненіи — «Современная англійская психологія», Ферри въ своемъ сочиненіи — «Психологія ассоціаціи съ Гоббса до настоящаго времени» (*La psychologie de l'association depuis Hobbes jusqu'à nos jours. 1883*), проф. Троицкій въ сочиненіи — «Нѣмецкая психологія XIX столѣтія» и др. считаютъ нужнымъ говорить о Дж.-Ст. Миллѣ отдѣльно, какъ о психологѣ на-ряду съ другими современными англійскими психологами. Дѣйствительно, въ сочиненіяхъ Дж.-Ст. Милля — «Система логики», «Обзоръ философіи Гамильтона», «Огюсть Контъ и позитивная философія», въ изданіи «Анализа феноменовъ человѣческаго духа» (о которомъ сказано нами раньше) и др., заключается многое, что прямо и непосредственно относится къ психологіи, гдѣ Милль высказываетъ свои взгляды на психологію, какъ науку, на ея методъ, разбираетъ тѣ или другіе психологическіе вопросы, анализируетъ тѣ или другія психическія явленія.

Въ общемъ Дж.-Ст. Милль, какъ психологъ, не представилъ ничего оригинальнаго, самобытнаго въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано его отцомъ; но многое развилъ, дополнилъ и отчасти исправилъ, а главное — воспользовался принципами и законами, добытыми отцомъ при помощи психологическаго анализа, для объясненія явленій въ другихъ сродныхъ областяхъ знаній, какъ то: логикѣ, этикѣ, этологіи, метафизикѣ и др. Особенность же Дж.-Ст. Милля въ отличіе отъ его отца состоитъ въ томъ, что онъ въ психологіи усвоилъ направленіе по преимуществу критическое и полемическое. Въ психологическомъ трудѣ Джамса Милля рѣзко бросается въ глаза отсутствіе полемики. Онъ рѣдко упоминаетъ кого-либо изъ предшествующихъ психологовъ; тѣмъ болѣе игнорируетъ всякое другое направленіе въ психологіи, какъ будто бы въ его время не существовало никакихъ другихъ направленій въ психологіи. Дж.-Ст. Милль замѣчаетъ (гдѣ, не помнимъ), что его отецъ слишкомъ твердо былъ увѣренъ въ истинѣ научнаго достоинства своего направленія въ психологіи, такъ-что, по-видимому, не допускалъ возможности существованія другаго направленія, которому бы могъ кто-либо изъ серьезныхъ умовъ отдать предпочтеніе; напр. относительно интуитивной школы онъ говоритъ, что въ ея авторитетъ никто болѣе не вѣритъ. Это была ошибка со стороны отца, говоритъ Милль; но-крайней-мѣрѣ интуитивная школа продолжаетъ существовать и имѣетъ среди своихъ представителей писателей, сильныхъ по уму и образованію. Вслѣдствіе этого Дж.-Ст. Милль и явился, по-видимому, восполнить пробѣлъ, который, по его мнѣнію, допущенъ его отцомъ. Такимъ образомъ, явилось сочиненіе — «Обзоръ философіи Гамильтона», посвященное исключительно критическому разбору положеній и тенденцій интуитивной школы и полемикѣ съ выдающимся ея представителемъ въ Англіи. Той-же полемикѣ дано значительное мѣсто и въ его логикѣ, гдѣ онъ критикуетъ философію Уэвеля съ ея апіорными идеями.

Критическое направленіе его ума и дѣятельности видно и въ другихъ его сочиненіяхъ. Но мы ограничимся однимъ лишь, намѣченнымъ нами выше, вопросомъ « О свободной волѣ ».

Какъ видно изъ автобіографіи Дж.-Ст. Милля, вопросъ о свободной волѣ очень сильно занималъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны, метафизики настойчиво продолжали доказывать существованіе въ человѣкѣ свободной воли. Съ ученіемъ о свободной волѣ, говорили они, связано многое: религія, нравственность и проч. Отрицаніе свободной воли ведетъ къ атеизму, матеріализму, фатализму. Кто отрицаетъ свободную волю въ человѣкѣ, тотъ само собою отрицаетъ отвѣтственность за поступки, законность и разумность наказаній за преступленія, а отсюда неизбѣжно послѣдуетъ упадокъ нравственности въ обществѣ, непризнаваніе нравственного долга и проч. Да и возможно ли отрицать существованіе свободной воли въ человѣкѣ? Наше личное сознаніе убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы имѣемъ свободную волю. Мы чувствуемъ и сознаемъ, что въ томъ или другомъ случаѣ мы можемъ поступить и такъ и иначе, что мы свободны дѣлать выборъ между различными путями дѣйствія; даже когда сдѣланъ нами выборъ, мы сознаемъ, что могли бы поступить и иначе. Возможно ли сомнѣваться въ этомъ? Такимъ образомъ, тотъ, кто отрицаетъ въ себѣ и въ другихъ существованіе свободной воли, отказывается отъ того, о чемъ свидѣтельствуетъ ему собственное его сознаніе. Кромѣ непосредственного сознанія, свидѣтельствующаго намъ о существованіи въ насъ свободной воли, мы убѣждаемся въ ея существованіи въ человѣкѣ при помощи умозаключенія. Мы имѣемъ совесть, которая подсказываетъ намъ, что нравственно и что безнравственно, и мы чувствуемъ себя нравственно отвѣтственными за свои поступки. Отвѣтственность за поступки немыслима безъ свободной воли. Метафизикамъ кажется страннымъ и непонят-

нымъ — какимъ образомъ возможно отрицать существованіе свободной воли въ человѣкѣ.

Съ другой стороны, сильно созрѣло и развилось ученіе о такъ - называемой философской необходимости. Мы уже знаемъ, какимъ образомъ оно постепенно развивалось. Самъ отецъ Дж. - Ст. Милля держался этого ученія въ области научной психологіи. Прибавимъ къ этому, что современникъ Милля, нѣкто Оуэнъ построилъ свою теорію общественныхъ реформъ на теоріи философской необходимости, стараясь осуществить ее на практикѣ, и произвелъ тѣмъ сильное впечатлѣніе въ Англіи. По его взгляду, вся нравственная порча, какая существуетъ, зависитъ отъ общественной среды и обусловливается ею; поэтому, чтобы уничтожить эту порчу и поднять нравственный уровень въ обществѣ, нужно совершенно измѣнить общественную среду. Свою теорію Оуэнъ развилъ въ своемъ сочиненіи — « Новый нравственный міръ, содержащій раціональную систему общества, основанную на доказательныхъ фактахъ, которые сообщаютъ знаніе конституціи и законовъ человѣческой природы и общества ». Такихъ доказательныхъ фактовъ, сообщающихъ знаніе конституціи и законовъ человѣческой природы и общества, онъ указываетъ пять. Первый основной фактъ: « человѣческій характеръ всецѣло обязанъ первоначальной конституціи и внѣшнимъ обстоятельствамъ, постоянно управляющимъ имъ ». Второй фактъ: « человѣкъ принужденъ въ-силу своей первоначальной конституціи воспринимать чувства и убѣжденія независимо отъ его собственной воли ». Третій фактъ: « чувства и убѣжденія вмѣстѣ и отдѣльно создаютъ мотивы дѣйствій, называемые волею; они стимулируютъ къ дѣйствию и опредѣляютъ поступки ». Четвертый фактъ: « конституція ребенка измѣнчива и нѣтъ науки, которая могла бы сдѣлать двоихъ индивидуумовъ тождественными ». Пятый фактъ: « конституція ребенка, исключая случаевъ органическаго недостатка, можетъ быть сдѣлана и весьма высокою и

весьма низко, смотря по существу внешних обстоятельств, влияющих на него, — это влияние действует на его конституцию с самого детства¹. Возможно ли при таких условиях человеческой природы и ее развития говорить о существовании в человеке свободной воли?! Теория философской необходимости особенно сильно под влиянием Дж.-Ст. Милля. В своей автобиографии он передает о мрачном настроении духа, которое он пережил в 20-м году жизни и которое едва не довело его до самоубийства. «Я, говорит он, находился в мрачном настроении духа, как случается со всяким; нервы мои были разстроены и неспособны воспринимать никакого удовольствия; одним словом я находился в таком настроении, когда все кажется пошлым, неприятным и на все смотрится равнодушно... В продолжении последних припадков моего мрачного юнства, продолжал он далее, так называемая теория философской необходимости давила меня ужасным бременем. Я чувствовал, — и это как будто научно было доказано, — что я был лишь безмощным рабом предвидущих обстоятельств, что мой характер и характеры всех людей образованы под влиянием независящих от нас факторов. Я часто говорил себе, что большое было бы утешение, если бы я мог разувряться в справедливости теории образования характера обстоятельствами, находящимися в нашей власти... Я долго и внимательно раздумывался в этот предмет...»² Теория философской необходимости, по которой наш характер создается для нас, но не нами самими, тем тяжелее действовала на Дж.-Ст. Милля, чем глубже он чувствовал и сознавал силу воспитательных приемов отца, осуществивших их на нем. Некоторые считали его, как он говорит,

¹ Оби Оуэн. *La morale anglaise contemporaine*, par Guyau, 1878, и

«Система логики» Милля. Книга VI, глава II.

² Автобиография Дж.-Ст. Милля, русск. перев. *Благосветлова*, стр. 177 — 8.

человѣкомъ «сдѣланнымъ», искусственнымъ. Хотя самъ онъ не считалъ себя такимъ, тѣмъ не менѣе изъ той-же главы автобіографіи его видно, что при объясненіи пережитаго имъ мрачнаго настроенія духа онъ обращается къ практикованному надъ нимъ методу воспитанія и въ немъ указываетъ причину этого настроенія¹.

Послѣ долгой думы и размышленія Дж.-Ст. Милль рѣшилъ наконецъ мучительный для него вопросъ. Что-же — сдѣлался онъ фаталистомъ? или же призналъ вмѣстѣ съ метафизиками существованіе свободной воли въ человѣкѣ? Ни то, ни другое. Ему ли сдѣлаться фаталистомъ, когда традиціи, въ которыхъ онъ воспитался, имѣли своимъ девизомъ — «Знаю, значитъ, могу», когда онъ видѣлъ, что энергія ума, терпѣніе и сила воли дѣлаютъ цѣлый міръ подвластнымъ человѣку. Милль съ дѣтства видѣлъ передъ глазами примѣры такой энергіи ума и силы воли въ своемъ отцѣ. Но не перешелъ онъ и на сторону метафизики. Тѣ-же традиціи, въ которыхъ онъ воспитался, внушили ему по меньшей мѣрѣ недовѣріе къ метафизическимъ ученіямъ. Оставаясь вѣрны опыту и анализу, онъ при помощи этихъ средствъ глубже вникнулъ въ ту-же теорію философской необходимости, снова пересмотрѣлъ ее и открылъ въ ней недостатки, затемняющіе истинный смыслъ ея. «Я, наконецъ, понялъ, говоритъ онъ, что слово необходимость, какъ названіе теоріи причинъ и слѣдствій въ примѣненіи къ человѣческой дѣятельности, заключало въ себѣ понятіе узкое и фальшивое и что этому понятію я былъ обязанъ главнымъ образомъ парализующимъ вліяніемъ моего учителя. Я понялъ, что хотя нашъ характеръ образуется обстоятельствами, но наши желанія могутъ сильно вліять на измѣненіе этихъ обстоятельствъ, что самая благородная, возвышающая человѣка черта въ теоріи свободной воли заключается въ убѣжденіи, что мы имѣемъ дѣйствительное вліяніе на обра-

¹ Тамъ-же стр. 162.

² Тамъ-же стр. 141 и слѣд.

зованіе нашего характера, что наша воля, влія на обстоятельство, можетъ измѣнить наше будущее примѣненіе свободной воли. Все это вполнѣ соотвѣтствовало теоріи обстоятельствъ или, лучше сказать, составляло эту самую теорію, правильно понятую»¹.

Свою теорію «О свободѣ и необходимости» Милль изложилъ въ «Системѣ логики». Но прежде, чѣмъ перейти къ ознакомленію читателя съ сущностію и подробностями этой теоріи, обратимся къ его критикѣ метафизическаго ученія о свободной волѣ, изложенной имъ въ другомъ сочиненіи — «Обзоръ философіи Гамильтона»².

Прежде всего на основаніи историческихъ фактовъ Милль опровергаетъ мнѣніе метафизиковъ, что отрицаніе свободной воли ведетъ къ атеизму, матеріализму и безразличности. «Почти всѣ теологи реформациі, говоритъ онъ, начиная съ Лютера, и цѣлый рядъ теологовъ - кальвинистовъ служатъ доказательствомъ, что самые искренніе спиритуалисты могутъ совершенно послѣдовательно держаться доктрины такъ-называемой необходимости. Въ Лейбницѣ мы находимъ знаменитый примѣръ такого спиритуализма, не говоря уже о Кондильякѣ и Броунѣ»³. Равнымъ образомъ, напрасно метафизики соединяють съ отрицаніемъ свободной воли атеизмъ. Всѣ указанные отрицатели свободной воли были теисты. Самые матеріалисты не всѣ отрицали бытіе Бога (Гассенди). Безразличность и отрицаніе отвѣтственности за поступки также не есть непремѣнная принадлежность того, кто отрицаетъ свободную волю въ человѣкѣ (вышеприведенные примѣры). Словомъ, отрицаніе свободной воли и атеизмъ, матеріализмъ, отрицаніе отвѣтственности за поступки не составляютъ непремѣнно сосуществующія явленія. Конечно, могутъ встрѣтиться случаи совпаденія указанныхъ явленій; но на томъ основаніи, что въ другихъ случаяхъ эти явленія не

¹ Автобіографія, стр. 178.

² An examination of Sir Will. Hamilton's Philosophy. Second edition. Chap. XXVI. On the freedom of the will.

³ An examinat. стр. 492.

существуютъ, мы, въ-силу требованій индуктивнаго метода, не имѣемъ права утверждать, что эти явленія — отрицаніе свободной воли и атеизмъ, матеріализмъ и прч. — находятся въ причинной связи.

Далѣе, что касается свидѣтельства личнаго сознанія о томъ, что мы можемъ въ томъ или другомъ случаѣ поступить и такъ и иначе, что мы свободны выбрать тотъ или другой путь дѣйствія, то Милль говоритъ, что «полагаться на свидѣтельство одного сознанія не безопасно, если это сознаніе не сопровождается анализомъ и другими источниками провѣрки его свидѣтельства. Нѣсколько поколѣній философовъ воображали на основаніи сознанія, что они могутъ представить себѣ треугольникъ, который — неравностороненъ и неравнобедренъ; однако самъ Гамильтонъ (представитель метафизической школы) и другіе считаютъ теперь это нелѣпнымъ». Равнымъ образомъ Кузенъ и всѣ почти германскіе философы находили въ сознаніи безконечное и абсолютное; а Гамильтонъ не согласенъ съ ними въ этомъ¹. Спрашивается, чтѣ же остается думать смущенному читателю въ-виду всѣхъ этихъ, противорѣчащихъ одно другому, мнѣній, о которыхъ свидѣлствуетъ сознаніе? Да и вѣрно ли то, что сознаніе наше свидѣлствуетъ о свободной волѣ. «Сознаніе говоритъ мнѣ только о томъ, говоритъ Милль, чтѣ я дѣлаю или чувствую. Но то, чтѣ я способенъ дѣлать, не есть предметъ сознанія. Сознаніе не обладаетъ даромъ пророчества. Мы сознаемъ то, чтѣ есть, а не то, чтѣ будетъ или можетъ быть. Мы знаемъ, что мы способны что-нибудь сдѣлать при томъ единственномъ условіи, если мы раньше дѣлали это или что-нибудь подобное. На томъ основаніи, что мы совершали извѣстныя дѣйствія раньше, мы знаемъ, на-сколько учить насъ этому опытъ, какія дѣйствія мы способны совершать, и это-то знаніе, когда оно дѣлается для насъ обычнымъ, часто смѣшиваютъ

¹ An examinat. стр. 502.

съ сознаниемъ и называютъ его этимъ именемъ. Но чрезъ это одно невѣрное названіе авторитетъ указаннаго знанія отнюдь не увеличивается; истина, заключающаяся въ немъ, не превышаетъ опыта; напротивъ, зависитъ отъ него. Если такъ-называемое наше сознание не ограничивается опытомъ, то оно заблуждается. Оно имѣетъ право на довѣріе только въ томъ случаѣ, если оно является истолкователемъ опыта; но и въ этомъ случаѣ приходится отказывать ему въ довѣріи, если оно является ложнымъ истолкователемъ»¹.

Перейдемъ къ убѣжденію (будетъ ли оно сознание или довѣріе) въ томъ, что мы свободны, и посмотримъ, въ чемъ оно состоитъ. Оно состоитъ, говорятъ, въ томъ, что когда мы избираемъ извѣстный путь дѣйствія, то чувствуемъ, что мы могли бы избрать и другой путь. Возьмемъ напр. альтернативу: убить или не убить. Говорятъ, что когда я рѣшилъ убить, я сознаю, что могъ бы рѣшить и въ противномъ смыслѣ, т. е. могъ бы воздержаться отъ убійства. Но сознаю ли я, что могъ бы воздержаться отъ убійства, въ томъ случаѣ, если-бы мое отвращеніе къ убійству и страхъ предъ его послѣдствіями были слабѣе, чѣмъ искушеніе убить? Если я рѣшилъ воздержаться отъ убійства, то въ какомъ случаѣ, по моему сознанию, я могъ бы предпочесть совершить преступленіе? Въ томъ случаѣ, если-бы мое желаніе убить было сильнѣе, чѣмъ страхъ передъ убійствомъ. Когда мы представляемъ себя гипотетически поступающими иначе, чѣмъ какъ поступили, то всегда предполагается различіе въ antecedentes. Нельзя согласиться съ тѣмъ, что мы сознаемъ себя способными дѣйствовать вопреки самому сильному настоящему желанію или отвращенію².

Что еще сказать о связи между свободною волей и отвѣтственностію за поступки? Что разумѣютъ подъ нравственною отвѣтственностію? Подъ отвѣтственностію разумѣется наказаніе. Когда гово-

¹ An examinât. стр. 503—4.

² An examinât. стр. 504—5.

рять, что мы чувствуемъ себя нравственно отвѣтственными въ своихъ дѣйствіяхъ, то въ умѣ говорящаго преобладаетъ въ это время идея быть наказаннымъ за нихъ. Здѣсь нужно различать два смысла: или подъ этимъ подразумѣвается ожиданіе, что если мы поступимъ извѣстнымъ образомъ, то дѣйствительно подвергнемся наказанію; или — только сознаніе, что мы заслуживаемъ того, чтобы быть подвергнутыми наказанію. Въ первомъ случаѣ, «если мы увѣрены въ томъ, что будемъ наказаны за неправый образъ дѣйствій, то — потому, что этой увѣренности насъ учили наши родители или воспитатели или наша религія, или вообще она раздѣляется окружающими насъ, или потому что мы сами пришли къ такому заключенію чрезъ размысленіе или путемъ жизненнаго опыта. Это не есть сознаніе. Но какое бы названіе ни присвоивалось этому чувству, очевидность его не зависить отъ какой-либо теоріи самопроизвольнаго хотѣнія. Что въ будущемъ мірѣ послѣдуетъ возданіе за виновность, этому вѣрятъ съ несомнѣннымъ убѣжденіемъ турецкіе фаталисты и извѣстныхъ исповѣданій христіане, которые не только нецессаріанцы, но и вѣрятъ, что болѣшинству человѣческаго рода отъ вѣка предопредѣлено божественнымъ промысломъ грѣшнить и быть наказанными за грѣхи»¹. Коль-с скоро создалась ассоціація, что за неправымъ поступкомъ послѣдуетъ наказаніе, или со стороны людей или со стороны Бога, то переходъ къ другому чувству, т. е. постоянному сознанію, что за неправые поступки мы заслуживаемъ быть наказанными, не представляется труднымъ и совершается самъ собою»². Нѣтъ нужды продолжать далѣе изложеніе критики ученія метафизиковъ о свободной волѣ; вышеприведеннаго достаточно, чтобы видѣть, что Милль въ своемъ взглядѣ на метафизическое ученіе о свободной волѣ остается вѣрнымъ традиціямъ эмпирической психологіи, разрабатываемой въ Англіи. Его критика ученія о свободной волѣ написана въ духѣ нецессаріанцевъ.

¹ An examinat. стр. 507.

² Ibid. стр. 513.

Въ томъ-же духѣ онъ высказывается даже тамъ, гдѣ онъ приступаетъ къ критическому разбору доктрины нецессарианцевъ. Въ его «Системѣ логики» въ главѣ «О свободѣ и необходимости» мы читаемъ слѣдующее. «Если, говоритъ онъ, даны мотивы, присутствующіе въ душѣ индивидуума, и даны также характеръ и настроеніе индивидуума, то безошибочно можно вывести, какъ онъ поступитъ; если мы вполне знаемъ человѣка и знаемъ всѣ побужденія, дѣйствующія на него, то мы можемъ предсказать его поведеніе съ такою-же достовѣрностію, съ какою предсказываемъ какое-либо физическое событіе. Это предложеніе я считаю чистымъ толкованіемъ всеобщаго опыта, выраженіемъ въ словахъ того, въ чемъ каждый внутренно убѣжденъ. Всякій, кто думаетъ, что онъ совершенно знакомъ съ обстоятельствами какого-либо случая и съ характеромъ различныхъ лицъ, до которыхъ онъ касается, не затруднится сказать, какъ всѣ они будутъ дѣйствовать. Какое бы сомнѣніе онъ ни имѣлъ въ этомъ отношеніи, оно проистекаетъ изъ неувѣренности, что онъ вполне знаетъ обстоятельства, что онъ знакомъ въ надлежащей степени съ характеромъ того или другаго лица, но никакъ не отъ мысли, что если-бы онъ зналъ эти вещи, то все-таки не могъ бы быть увѣренъ, какой выйдетъ поступокъ»¹. Это мѣсто до такой степени согласно съ ученіемъ нецессарианцевъ, что выражено почти словами Бельшама, съ которыми мы познакомились раньше.

Но далѣе тонъ рѣчи Милля измѣняется; онъ высказываетъ нѣчто такое, чего не рѣшался высказать до него ни одинъ послѣдователь теоріи философской необходимости изъ опасенія стать въ логическое противорѣчіе съ основными положеніями той теоріи, которой придерживался. «Мы чувствуемъ, говоритъ онъ, себя нисколько не менѣе свободными отъ того, что тѣ, кто хорошо знаетъ насъ, увѣрены, какъ мы поступимъ въ частномъ

¹ Система логики, перев. Резенера. Т. II, стр. 407.

случаѣ ». «Религіозные метафизики, признававшіе свободу воли, всегда утверждали, — что она согласна съ божественнымъ предвидѣніемъ ». «Мы можемъ быть свободны и, однако-же, другой можетъ имѣть причины быть совершенно увѣреннымъ, какое употребленіе мы сдѣлаемъ изъ своей свободы ». «Эта увѣренность отнюдь не противорѣчитъ тому, что называется нашимъ чувствомъ свободы » и т. д.¹.

Ясно, что мы встрѣчаемся въ первый разъ съ такою постановкой вопроса объ отношеніи между собою свободной воли и необходимости. Изъ этой постановки видно, что онѣ отнюдь не исключаютъ одна другую. Такимъ образомъ *quaestio vexata* въ психологіи ставится на новый путь изслѣдованія, которое и предпринято Миллемъ. Впрочемъ, самъ Милль не смотритъ такъ на дѣло. По его мнѣнію, рѣшеніе вопроса въ указанномъ имъ направленіи подготовлено предыдущими изслѣдованіями въ психологіи и логикѣ; къ сожалѣнію, неправильная производная ассоціація идей, давно установившаяся и господствовавшая, какъ предразсудокъ, препятствовала видѣть истину.

Постараемся же вникнуть въ ходъ мыслей, изложенныхъ Миллемъ въ «Системѣ логики», относительно свободы и необходимости.

Мы раньше познакомились съ критикой метафизическаго ученія о свободной волѣ², гдѣ Милль обнаруживаетъ недостатки этого ученія и старается установить надлежащій истинный смыслъ понятій и идей, которыми оперируетъ метафизическая школа для доказательства существованія въ человѣкѣ свободной воли. Здѣсь онъ дѣлаетъ то-же самое по отношенію къ понятію — необходимость. Какъ ни страннымъ можетъ показаться, тѣмъ не менѣе, по справедливому мнѣнію Милля, въ понятіе «необходимость» вносится нецессаріанцами элементъ метафизическій. Соб-

¹ Система логики. Т. II, стр. 408.

² Выше, стр. 184.

ственно говоря, въ наукѣ это понятіе не имѣло бы мѣста, если-бы подъ нимъ не подразумѣвалось болѣе определенное понятіе причинности или причинной связи. Въ этомъ собственно смыслъ и употребляютъ его нецессаріанцы, доказывая причинную зависимость нашихъ дѣйствій отъ мотивовъ. Но, сводя необходимость на причинную связь, нецессаріанцы невольно вносятъ метафизическій элементъ и въ понятіе причинности. «Въ причинности не заключается, говоритъ Милль, ничего, кромѣ неизмѣнной, достовѣрной и безусловной послѣдовательности»¹. «Между-тѣмъ немного такихъ, для которыхъ чистое постоянство послѣдовательности кажется достаточно твердою связью въ такомъ особомъ отношеніи, какъ отношеніе между причиною и слѣдствіемъ. Даже если умъ отвергаетъ, то воображеніе все-таки удерживаетъ представленіе какой-то болѣе тѣсной особенной связи, какого-то таинственнаго принужденія, производимаго предъидущимъ на послѣдующее»². Это и есть привнесеніе метафизическаго элемента въ ученіе о причинности. Нецессаріанцы дѣлаютъ это привнесеніе, когда говорятъ о причинной зависимости нашихъ дѣйствій и желаній отъ мотивовъ. «Они, говоритъ Милль, питаютъ чувство, что какъ будто существуетъ въ глубинѣ между желаніями и ихъ причинами болѣе крѣпкая связь, такъ-что утверждая, что воля управляется суммою мотивовъ, они разумѣли нѣчто болѣе принудительное, чѣмъ если-бы просто сказали, что, зная побужденія и нашу обыкновенную восприимчивость къ нимъ, можно предсказать, какъ мы хотимъ поступить».

— «Вотъ это-то и есть то, что въ примѣненіи къ человѣческой волѣ противорѣчитъ нашему сознанію и возмущаетъ наше чувство. Мы увѣрены, что въ отношеніи къ нашимъ желаніямъ этого таинственнаго принужденія не существуетъ»³. «Въ примѣненіи къ волѣ простое однообразіе послѣдовательности въ смыслѣ

¹ Система логики. Т. II, стр. 408.

² Ibid.

³ Ibid.

причинности означаетъ только, что за данною причиною будетъ слѣдовать результатъ, подверженный однако всеѣмъ возможностямъ противодѣйствія другихъ причинъ. Когда мы говоримъ, что всеѣ человѣческія дѣйствія происходятъ необходимо, то разумѣемъ только, что они навѣрное случатся, если ничто не помѣшаетъ»¹. Есть физическія слѣдствія, которыя — необходимы, въ смыслѣ неотклонимы, неотвратимы; напр. смерть отъ лишенія пищи, воздуха; но есть другія слѣдствія, которыя не могутъ быть названы необходимыми въ указанномъ смыслѣ; напр., смерть отъ яда. Эта смерть можетъ быть предотвращена противодѣемъ; слѣдовательно, здѣсь нѣтъ мѣста абсолютной необходимости. Человѣческія дѣйствія и желанія принадлежать къ этому второму разряду необходимостей. «Причины, отъ которыхъ зависить дѣйствіе, никогда не бывають, говоритъ Милль, непреодолимы; онѣ никогда (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ маіні) не управляются какимъ-нибудь мотивомъ такъ абсолютно, чтобы не допускать вліянія другихъ мотивовъ». «Всякій данный результатъ необходимъ лишь тогда, когда причины, которыя стремятся произвести его, не встрѣчаютъ противодѣйствія»².

Въ этихъ-то, указанныхъ выше, положеніяхъ и заключается основаніе рѣшенія вопроса, какимъ образомъ свобода и необходимость не исключаютъ одна другую. Подъ необходимостію разумѣется причинность; подъ послѣднею — простое однообразіе послѣдовательности. Легко понять, что существуютъ ряды послѣдовательностей и, какъ можно наблюдать уже въ мірѣ физическомъ, не всеѣ онѣ неотвратимы. Если угодно, ихъ можно назвать необходимостями. Однѣ необходимости могутъ быть устранены, предотвращены или парализованы другими необходимостями. Человѣческія дѣйствія всеѣ таковы, что ихъ причины, т. е. мотивы, могутъ быть отклонены другими причинами или мотивами.

¹ Система логики. Т. II, стр. 410.

² Ibid.

«Хотя ученіе о необходимости, какъ понимаетъ большая часть его приверженцевъ, очень далеко отъ фатализма, продолжаетъ далѣе Милль, однако вѣроятно, что большая часть нецессарианцевъ въ своихъ чувствахъ болѣе или менѣе фаталисты»¹. «Нецессарианецъ, признающій, что наши дѣйствія зависятъ отъ нашихъ характеровъ, а наши характеры отъ нашей организаціи, отъ воспитанія и отъ нашихъ обстоятельствъ, способенъ съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ стать фаталистомъ въ отношеніи къ собственнымъ дѣйствіямъ и думать, что его природа такова или что его воспитаніе, его обстоятельства такъ образовали его характеръ, что ничто не можетъ воспрепятствовать ему чувствовать и дѣйствовать извѣстнымъ образомъ или что по-крайней-мѣрѣ не могутъ это сдѣлать его собственныя усилія». «Но это — великое заблужденіе. Человѣкъ до извѣстной степени имѣетъ силу измѣнить его характеръ. Хотя въ послѣдней инстанціи характеръ образованъ для него, однако это не противорѣчитъ тому, что онъ образованъ отчасти и имъ. Его характеръ образованъ его обстоятельствами (включая сюда и его собственную организацію); но собственное желаніе человѣка сформировать его извѣстнымъ образомъ есть одно изъ этихъ обстоятельствъ и никакъ не изъ слабѣйшихъ»² и т. д.

Въ заключеніе изложенія ученія Милля о свободѣ и необходимости считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателя на то, что это ученіе совпадаетъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ ученіемъ метафизиковъ о свободной волѣ. Послѣдніе признаютъ абсолютную свободу воли только въ ея сущности, въ явленіяхъ же — ея свобода ограничена; это необходимо обуславливается тѣмъ, что она проявляетъ себя въ ограниченномъ мірѣ. Такимъ образомъ, если разсматривать волю не въ ея сущности, а только въ ея проявленіяхъ, то ученіе метафизиковъ и ученіе Милля о свободной волѣ окажутся довольно близкими другъ къ другу при всемъ

¹ Система логики. Т. II, стр. 411.

² Ibid.

ихъ различіи. Въ высшей степени плодотворною мы должны считать идею, выраженную Миллемъ, что, съ бѣльшимъ и бѣльшимъ увеличеніемъ нашихъ знаній относительно необходимостей или однообразій въ области психическихъ явленій, наша свобода будетъ возрастать и увеличиваться. Послѣ указаннаго Миллемъ пути въ рѣшеніи вопроса о свободѣ и необходимости, опытная психологія смѣло можетъ, намъ кажется, продолжать свои научныя изслѣдованія необходимостей или однообразій въ области психическихъ явленій, не подвергаясь опасности быть заподозрѣнной, въ лицѣ ея представителей, въ стремленіи подорвать авторитетъ религіи, проповѣдующей ученіе о нашей отвѣтственности за поступки, — пошатнуть основанія нравственности и отвѣтственности передъ закономъ, карающимъ преступниковъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
40	5 <i>сверху</i>	абстрактивные	абстрактные
91	11 —	Асиммербаха	Аммербаха
120	5 —	частію	частаго
153	7 —	мыслятся	являются

ЗАМѢННЫЕ ОПЕРАЦИИ

Слѣдуетъ	Начекамаю	Слѣдуетъ	Слѣдуетъ
всѣхъ	всѣхъ	40	40
—	всѣхъ	11	91
—	всѣхъ	5	180
—	всѣхъ	7	153

28/1
дн
№ 1111

№ 10
KHM

ДНН

МЕСТО НАД.

14

1287